
АЛЕКСИС ДЖЕЙ ФОКС
ГРЕЗЫ АФРОДИТЫ
ТОМ 2

Алексис Джей Фокс

Грезы Афродиты, том 2

«Литнет»
2025

Джей Фокс А.

Грезы Афродиты, том 2 / А. Джей Фокс — «Литнет», 2025

Эмили оказывается в мире, где правда опаснее лжи, а каждый выбор оставляет след. Прошлое не отпускает, любовь становится уязвимостью, а свобода — иллюзией. Чтобы выжить и не потерять себя, ей предстоит понять главное: кто она теперь — жертва, игрок или та, кто устанавливает правила.✍🏻# Под редакцией Виктории Килеевой. Всем героям в книге от 18 лет и больше. Второй том завершен. Благодарю всех за прочтение и буду искренне признателен за любую обратную связь, лайки и подписки

© Джей Фокс А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 22
Глава 4 31
Глава 5 40
Глава 6 46
Глава 7 53
Глава 8 61
Глава 9 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Глава 1

Въедливая навозная вонь била прямо в нос. Смешиваясь с кислым запахом, она заставляла француженку плотно прикрывать ноздри рукой и дышать реже. Гулкое хрюканье приглушало хруст склизкого целлофана, который начальник охраны монотонно разворачивал на грязной соломе в хлеву.

— Хуанито, а давай и Майкла сразу? Или ты прямо уверен, что его тушку размачивать надо? С корочкой не едят? — Жюстин посмотрела на перепачканных свиней, что дружно терли свисавшие бока о полусгнившие доски ограждения. — Просто… — Она опустила взгляд на тело охранника Луиса. — Снова к этим розовым дерьмодемонам я даже с химзащитой не сунусь!

— Вообще не комбикорм насыпаем. Не успеют они двоих за раз… — Хуан ухватил труп за запястья и поволок к дверце загона. — Надо было по кусочкам, конечно. — Он вопросительно покосился на Жюстин. — Может, передумаешь? Поможешь?

— Нет, ну просила же… — Жюстин резко согнулась от подступившей рвоты и вылетела из хлева.

«Les tuer, bien sûr, était plus simple (Убивать, конечно, их проще было)», — вытирая холодные уголки губ, подумала француженка и обернулась на рокот черного кадиллака. Через голые ветви деревьев он игриво поблескивал на ярком солнце и уверенно приближался к поместью.

Мягкий шорох гравия под колесами постепенно умолк, и на неубранном пятачке у парадного входа автомобиль плавно остановился. Днем замок смотрелся не так мрачно, как ночью, и даже завораживал, восхищал. Рядом виднелись оставшиеся после праздника хэллоуинские украшения, вдоль стен торчали сбросившие красоту кусты, а по периметру участка высились толстые облетевшие клены.

Кроссовки новой хозяйки Ривер-Касл с хрустом опустились на шуршащую от легкого ветра листву. Недавняя победа над страхом перед Лукрецией до сих пор ощущалась внутри Эмили светлой радостью. Чувством облегчения, эмоциями триумфа, что хоть и временно, но все же подавляли боль вины перед Биллом. За его покалеченную жизнь.

Конечно, и ей досталось сполна, она чуть ли не стала рабыней психопата, чуть ли не попала в его порочный плен, но все это почему-то меркло. Меркло перед муками совести и перед клятвой на могиле матери. Перед неизвестностью от того, как воспримет Билл ее новую роль. Перед этой жгучей тревогой, что он уйдет. Не сможет жить с хозяйкой того, что сломало ему жизнь и чуть не убило. «Нет. Я все равно найду выход, Билл, и вас, девочки, я тоже… тоже не брошу», — подумала Эмили, заметив мелькавших в окнах нимф.

— Спасибо. — Она искренне улыбнулась седовласому водителю и захлопнула за собой дверцу.

— А это кто тут к нам прие-е-ехал? — услышала Эмили и тут же обернулась на громкий голос с хрипотцой.

Жюстин в облегающих черных легинсах и того же цвета толстовке грациозно стояла у хлева. Легким движением рук она поправила вязаную шапочку и, смахнув проступившие от опорожнения желудка слезы, засверкала белоснежной улыбкой.

— Хоть бы предупредила, подруга! — удивленно вскинув бровь, театрально развела руки француженка.

— Жюстин! — Эмили радостно помахала в ответ.

— Гости, Хуанито. Поживее там… — Прижавшись спиной к двери хлева, Жюстин несколько раз глухо пнула по ней каблуком замшевого ботильона и походкой от бедра направилась в сторону Эмили.

Белый свет ноябрьского солнца задорно танцевал в водяных канавках разбитого асфальта. Они будто искрились, волновались на ветру, явно выделялись на фоне пестрых листьев и сухих веток. Вдалеке слышалось пение птиц и чириканье воробьев, а Эмили уже нетерпеливо шагала навстречу француженке.

— Ну, привет-привет! — Жюстин в крепких объятиях прижала ее к груди.

— Задушишь же… — Эмили скорчилась от столь неожиданного проявления тепла.

— Да перестань. — Жюстин сделала шаг назад и, привычно взяв ее за плечи, повертела. — Ты нормально? Выглядишь, будто под мостом ночевала. И умоляю… Окуляры эти снова?

— Не спалось… — Воспоминания о случившемся тут же острыми иглами впились в израненное сердце Эмили. — Он обо мне спрашивал? — вырвалось наружу то, что больше всего не давало покоя.

— Ты про Билли?

Эмили виновато кивнула.

— Так он без сознания был. Мы его в больницу и отвезли. Должен очнуться уже, по идее. Набери.

Эмили понимала, что бегство от встречи с ним или даже от звонка ни к чему хорошему не приведет, но стыд и страх, эти гиены, терзающие нерешимостью ее душу, не унимались. Они плотно впивались клыками в кровоточащие от предательства раны и с визгом пожирали незримую надежду на прощение. На принятие Биллом ее новой роли.

— А Мэй? Нино? — Эмили грустно окинула взглядом любопытных нимф в окнах замка.

— Так они уже в Мексике, наверное. Я их лично на клубный самолет посадила, еще и денег дала. — Жюстин заботливо наклонилась и посмотрела в усталые серые глаза. — Я же обещала. — Она игриво потискала Эмили за плечи.

— Спасибо, — робко улыбнулась та. — Для меня это сейчас правда много значит.

— Понимаю, а теперь пойдем. Комнату тебе подыщем да вид человеческий вернем. — Жюстин положила руку на спину Эмили. — Ты же не на булочки приехала? — Она радостно взлохматила ей макушку.

От приятной заботы взгляд Эмили заметно посветлел, и, быстро покрутив головой, она вновь благодарно обняла француженку.

— Ну вот и славненько. — Жюстин нервно обернулась на грохот в хлеву. — С нимфами как раз познакомишься, — не подавая виду, продолжила она.

— Чего там? — Эмили высунула голову за плечо француженки.

— Да свиньи. Хуан докармливает. — Жюстин с отвращением сморщилась. — Но ходить тебе туда не рекомендую, они у него какие-то ядовитые.

— Так вот откуда запах-то, — нахмурилась Эмили. — А то не могла понять, думала, от тебя. Хотя… — Эмили поднесла нос к толстовке Жюстин и тут же отскочила.

— Что? Воняю? — Француженка начала лихорадочно обнюхивать свои рукава. — Только честно, Эмили?

— Че-то слезы побежали, — покашливая, выдавила из себя та.

— Non, ну не настолько же? — Жюстин, дернув толстовку, уже полностью подтянула ее к носу.

— Прости. — Эмили вновь посмотрела на француженку. — Думаю, тебе надо сжечь одежду, — сказала она это как можно серьезнее. — Я так-то поклялась нимф защищать.

— А тебе, смотрю, только бы сжигать… — не упустила шанса подколоть в ответ Жюстин и снова почувствовала себя объектом иронии хозяина, ведь, кроме Майкла, смелости для этого ни у кого не хватало.

«Est-ce que ça se transmet avec le poste, ou quoi? (С должностью, что ли, передается?)» — подумала она, глядя на моментально надувшую щеки Эмили.

— Ладно, не дуйся, идем, — подтолкнула ее легонько Жюстин. — А то теперь еще полдня отмываться надо.

— Ой, подожди… — Эмили быстрым шагом двинулась к кадиллаку. — Вещи-то забыла, — крикнула она, показывая в сторону автомобиля.

Взяв из салона колючего Паскаля и фото мамы, Эмили в сопровождении француженки направилась в замок. Усилившийся ветер небрежно колыхал волнистые волосы новоиспеченной хозяйки клуба, грохотал металлическими пластинами на крыше хлева и кружил вихрем листву на асфальте.

Надвигалась буря.

Уходящие к потолку арочные окна по обе стороны от дубовой двери сегодня впервые не были занавешены шторами, и просторный холл буквально тонул в рассеянном свете. Лестницы напротив все так же поднимались изогнутой дугой вверх, а по их ступенькам туда-сюда бегали нимфы. Кто-то таскал ведра с водой, кто-то сдирал хеллоуинские флажки со стен, кто-то подметал от мусора и стекол красный ковролин, кто-то ставил к столикам перевернутые ранее стулья. Кипела работа.

— Ты уж извини, подруга. — Жюстин закрыла дверь. — Не успели балаган убрать. — Она посмотрела на девушек, что еще усерднее начали наводить порядок.

Француженка понимала, что почти все нимфы сейчас спят, отдыхают после хеллоуинской ночи и тут только освобожденные — подвальные, но желание доказать Эмили, что она не врала и держит слово, было настолько велико, что ждать вечера для знакомства со всеми она не стала.

— Мими. — Жюстин окликнула блондинку с торчащими в стороны длинными хвостиками. В розовом спортивном костюме та усердно терла перила на втором этаже и что-то напевала под нос. — Мими!

— Ми..? Я? Я тут! — наконец услышала та и взволнованно посмотрела вниз.

— Здесь все, кто проснулся? — Жюстин, глядя под ноги, медленно прошла в центр холла.

Мими испуганно и неуверенно помотала головой.

— Будь добра, собери их тогда, ладно? — Жюстин старалась говорить мягко, ведь именно этим нимфам и так досталось больше всего.

— Сейчас?

— Завтра, Мими. — Жюстин тяжело вздохнула. — Завтра, а мы постоим подождем.

— Мими, — прошептала высокая брюнетка с короткой стрижкой под мальчика, что срывала хеллоуинские флажки со стены на лестнице. Кивком головы она показала, что сделать это нужно сейчас.

Мими с отчаянной улыбкой посмотрела на Эмили и Жюстин, а затем, наконец поняв намеки, пулей убежала.

— А чего она? — Эмили подошла к Жюстин и аккуратно поставила на столик фото мамы и кактус.

— Это ее первый день на воле, — сожалея о прошлом, вновь посмотрела под ноги Жюстин и, подняв с пола чью-то маску, закинула ее в мусорный пакет.

От слов француженки руки Эмили сами сжимались в кулаки, и если с утра ее и одолевали мимолетные угрызения совести за соучастие в убийстве Майкла, то сейчас она твердо понимала, что сделала бы это вновь. «Теперь тут будет по-другому. Я все усилия для этого приложу. Все», — поймала себя на мысли Эмили и посмотрела на Жюстин.

— А про меня чего скажем?

— Без понятия. Я думала, ты не так скоро приедешь, если вообще приедешь… — Француженка задумчиво уставилась в темноту арочного свода под лестницей. — Решим.

Несколько минут тянулись словно часы. Эмили все еще не понимала до конца свою роль. Как вести себя с нимфами, с чего ей начать? Но одно знала точно — перед ней стоит не просто задача, а целая затвердевшая глыба замерзших надежд на свободу, которую растопить будет

нельзя. Смешиваясь с ответственностью, этот айсберг из сломанных Майклом судеб неимоверно давил, лишал способности думать. Мешал найти выход, как им помочь, как, сохраняя в неволе, спасти.

— Это все, Мими? — Жюстин посмотрела на семь вставших в ряд нимф.

Та несколько раз взволнованно кивнула.

— В общем, остальным расскажете… Итак, знакомьтесь. Мисс Уайт. — Жюстин указала рукой на Эмили. — Наша новая хозяйка.

В холле воцарилась тишина. Нимфы не могли поверить в услышанное и как-то странно друг на друга косились, томясь в ожидании, что кто-то решится задать кучу вопросов.

— Эмили. Можете называть меня Эмили. — Та робко поприветствовала их взмахом руки.

— А мистер Блэквуд? — все же решилась спросить рыжеволосая девушка с кудряшками и зелеными глазами. Губы ее были разбиты, а над щекой виднелся небольшой синяк.

— Больше он вас не тронет, с ним… — Эмили влезла вперед Жюстин и тут же получила незаметный для всех шлепок по ягодицам.

— Он решил отойти от дел. Подробности сказать не могу, договор о неразглашении, — покосилась на Эмили француженка.

— Я это и хотела сказать так-то, — поняв, что никто не знает о смерти Майкла, пробубнила она.

— Мисс Уайт, а что будет с нами? — жалостливо спросила невысокая девушка с русыми прямыми волосами. — Нас снова после уборки в подвал?

— Никаких больше подвалов! — вновь вырвалось у Эмили. — Со мной будет все по-другому, — уверенно добавила она.

— В замке много и обычной работы, да и красные браслеты, может, раздадим? — Жюстин посмотрела на Эмили. — Будут напитки разносить в клубе, помогать. Oui? — вопросительно улыбнулась она.

Эмили расплылась в яркой улыбке, а в глазах заиграло счастье. «Жюстин и правда старается быть другой», — подумала она и одобрительно кивнула.

— Вот вам и ответ, согласны?

Нимфы не верили своим ушам, они с нескрываемым восторгом смотрели друг на друга, а Мими и вовсе разрыдалась.

— Полный список новых правил мы с мисс Уайт подготовим чуть позже и всех уведомим. Мими, — подошла к девушке Жюстин. — Назначаю тебя главной по информации, передашь остальным?

— Д-да. Я… Я, конечно, расскажу. — Мими не выдержала и, обняв Жюстин, еще сильнее заревела. — Всем расскажу, — сквозь слезы радости добавила она.

— Мисс Уайт, — уставившись в окно, взволнованно произнесла короткостриженая брюнетка. — Там какие-то люди ходят.

— Ты кого-то ждешь? — озадаченно посмотрела на Эмили француженка.

Та в ответ лишь нахмурила брови.

— Девочки, давайте в комнаты — и не отсвечивать. — Жюстин уверенно направилась к двери. — Мими? — повернулась она к нимфе и, увидев ответный кивок, вышла из замка.

Вслед за ней показалась и Эмили.

Ветер во дворе уже вовсю гнул голые ветви деревьев, сдувал с асфальта сухую листву. В воздухе стоял ощутимый привкус влаги, а солнце меркло в грузных тучах нагрянувшей тьмы. Челси Перкинс подняла ворот черного драпового пальто и, заглянув в окно кадиллака, невольно поежилась. Острые черты лица брюнетки с короткими взъерошенными прядями и небрежной косой челкой отражались в стекле холодом, а в карих глазах не было даже намека на какие-либо эмоции.

— Перкинс, — окликнул коллегу приятной наружности мужчина в пальто и, закинув жвачку в рот, поправил синий галстук. На щеках и шее Мэтта Келли выделялась темная щетина. Она постоянно цеплялась за расстегнутый ворот белоснежной рубашки и заставляла его периодически поправлять.

Челси нехотя обернулась и, увидев идущих к ним женщин, опустила руки в карманы, а затем, ссутулившись, направилась к коллеге.

— Агент Келли. — Тот показал Эмили и Жюстин удостоверение, где отчетливо виднелась синяя надпись «ФБР». — Агент Перкинс. — Он указал на коллегу, что, не вынимая рук из карманов, шагала к ним. — У нас есть вопросы к Майклу Блэквуду. Мы можем с ним поговорить?

«Pourquoi ils le veulent? À cause de l'alerte d'hier ou quoi? Mais pourquoi le FBI? (Зачем он им? Из-за вчерашней тревоги, что ли? Но почему ФБР?)» — задавала себе вопросы француженка.

— Боюсь, это невозможно, — любезно улыбнулась она. — Мистер Блэквуд в данный момент отсутствует.

— Простите, мэм, как я могу к вам обращаться? — вежливым басом спросил Мэтт.

— Жюстин, — изящно кивнула француженка. — Управляющая делами мистера Блэквуда.

— А к вам, мисс? — блеснул темно-карими глазами Мэтт и с явным интересом посмотрел на Эмили.

Та, конечно, не понимала, зачем ФБР ищет Майкла, думала, что за его прошлые грехи, но волнение от этого не уменьшалось. Оно почему-то только росло.

— Эм-мили. Я…

— Моя помощница, — перебила Жюстин, опасаясь, что та от страха наговорит глупостей.

— Вы сказали, что он отсутствует, верно? — Челси встала рядом с Мэттом и, достав блокнот, смахнула закрывающую левый глаз челку.

— Верно, — держала самообладание француженка.

— Когда вы последний раз его видели? — сделала пометку Челси и посмотрела на Жюстин.

— Ночью. Лично в самолет усаживала, — сразу сообразила француженка, пытаясь выдать отлет Мэй и Нино за отъезд Майкла.

— Номер рейса не помните? — вопросительно нахмурил густые брови Мэтт.

— У мистера Блэквуда личный борт, — спокойно ответила Жюстин.

— Он не говорил, когда вернется? — покрутила между пальцами карандаш Челси.

— Он не докладывает, — оборвала Жюстин.

— Вы можете ему позвонить? — Мэтт осмотрелся по сторонам, услышав громкое карканье воронья.

— Вряд ли он доступен, — догадываясь, что агенты уже точно ему звонили, сказала Жюстин. — Когда он на отдыхе, он отключает телефон.

— Так он на отдыхе? — оживился Мэтт.

— Все так, — ответила Жюстин.

— Тогда я правильно понимаю, вы его видели ночью, и с тех пор он не объявлялся?

— Он постоянно так делает, — нахмурилась француженка.

— Ответьте на вопрос. — Челси буквально сверлила Жюстин взглядом.

— Да, с тех пор о нем ничего не знаю, — старалась не проиграть борьбу уверенных взглядов француженка.

— Все сходится. — Мэтт прикрыл рукавом лицо от порыва сильного ветра, что, собирая мусор и пыль, бил прямо в глаза.

— Чего сходится? — не выдержала волнения Эмили.

— Мы считаем его без вести пропавшим, мисс. — Мэтт достал из кармана силиконовые перчатки.

От этих слов сердце Эмили улетело в пятки, а тело залихорадило от настырной дрожи. Перспектива оказаться за решеткой сейчас затмевала все, даже вину перед Биллом и уж тем более клятву матери. «А если они найдут тело или следы его убийства? Я же умру в тюрьме!» — пронеслось в ее мыслях и окончательно повергло в шок.

— П-постойте. А… — Хладнокровие француженки тоже исчезало на глазах. — А как?

— Было заявление, — отрезала Челси и убрала блокнот во внутренний карман.

— Мы просим разрешения осмотреть дом, мэм. — Мэтт вежливо посмотрел на Жюстин.

Француженка понимала, что впускать их не просто нельзя, а смертельно опасно. Куча нелегальных нимф, следы шантажа Майкла, списки гостей, его тело в молочной ванне и явно недоеденный труп Луиса в хлеву, как вишенка на торте, заставляли паниковать.

По кончикам пальцев Жюстин пробегал ток, а внутри живота бушевало цунами. Хлесткими волнами оно смывало весь маскарад роковой и внушающей ужас натуры. Оголяло спрятанную глубоко внутри робкую девочку, ученицу католической школы в Руане, которая когда-то по своей глупости сбежала в Нью-Йорк.

— Нет, — непроизвольно вылетело из уст Жюстин.

— Я правильно понимаю, вы отказываетесь сотрудничать, мэм? — склонил голову Мэтт.

— Я… я с работы не хочу вылететь, — пыталась привести мысли в порядок Жюстин. — Не могу, агент.

— Но мы все равно зайдем, — наигранно улыбнулась Челси. — Документы, кстати, свои приготовьте, — фыркнула она и демонстративно направилась к замку.

— Без ордера я вас не пущу, — пошла до конца Жюстин и, посматривая с опаской на хлев, словно предвкушала самый жуткий сценарий.

— Вы владеете этим участком, мэм? — Челси холодно уставилась на Жюстин.

В ответ донеслась тишина.

— Поэтому документы и договор на наем, а мы пока дом осмотрим.

В эту секунду Эмили впервые видела настолько беспомощную Жюстин, что прямо ощущала ее страх, впитывала его. Резко осознав, что дом набит нелегалами, клетками и прочими ужасами, она просчитала все грядущие перспективы пожизненного, и на нее снизошел новый, уже интеллектуальный аффект.

— Вы не имеете права! — громко вступилась Эмили. — Даже если владельца нет, вам все равно нужен ордер! — Она вспомнила разом все детективные романы, которые когда-то читала.

— А это не так работает, мисс, — нежно улыбнулся Мэтт. — Владелец числится пропавшим, поэтому ордер может запросить только второй владелец или его родственник, — правдоподобно солгал он. — А вот законность вашего пребывания на частной собственности мы выяснить вправе.

В это время Хуан небрежно скрипнул грузной дверью хлева и глубоко вздохнул. Небо, казалось, превратилось в сплошную темную массу, а в нос бил надвигавшийся шторм. Услышав громкие споры, мексиканец увидел быстро идущих к замку агентов и медленно взвел курок пистолета за спиной.

«La légalité… La légalité du séjour… Bien sûr! (Законность… Законность пребывания… Точно!)» — спасительной молнией громыхнуло в поплывшем сознании француженки.

— Агент! Агент Келли! — нетерпеливо окликнула его Жюстин.

Француженка вцепилась в ледяную ладонь Эмили и быстрым шагом направилась вместе с ней за федералами.

— Простите, — подбирала слова она. — Мы не хотели предавать это огласке. Знаете, статус мистера Блэквуда… еще эти сплетни потом пойдут.

— К делу, — рявкнула Челси.

— Собственница поместья. — Жюстин положила руку на плечо Эмили. — Это дочь Майкла Блэквуда, — с улыбкой продолжила она.

Эмили почувствовала, как внутри разом оборвались все ниточки, что удерживали ее рассудок на месте. Мысли летели в бездну, а понимание, к чему ее только что подвела Жюстин, и вовсе приглашало в камеру смертников, если обо всем этом узнают.

— Это так, мисс? — Мэтт с явным недоверием просканировал взглядом застывшую Эмили.

Та, не отводя глаз от горизонта, безнадежно кивнула.

— Вы можете подтвердить отцовство? — Челси подошла к Эмили и подозрительно на нее посмотрела.

— Отцовство — нет, а вот право собственности мы вам показать можем, — вышла вперед француженка, закрывая собой ошарашенную Эмили.

— Тогда подождем. — Мэтт победно улыбнулся и едва заметно переглянулся с Челси.

Взгляд Жюстин невольно зацепился за Хуана, и, заметив, что тот держит руку за спиной, она все поняла. Увидела тот самый плохой сценарий.

— Хуа-а-ан! Хуан! Будь добр, принеси нам, пожалуйста, документы Эмили, — громко выкрикнула француженка. — На дом, — добавила она, показывая головой, чтобы тот убрал оружие.

— А там что? — посмотрев на хлев, спросила Челси.

— Свиньи, — отрезала Жюстин.

— А мужчина? — добавил Мэтт.

— Начальник охраны, — не думая, отпустила француженка.

— А что он там делал? — сразу насторожилась Челси.

«Quelle salope… Mais qu'est-ce qui m'arrive? Ressaisis-toi, Ju, ressaisis-toi! (Вот же сука… Да что со мной? Соберись, Жю, соберись!)» — подумала француженка, ругая себя за допущенный промах.

— Он? — явно не зная, что сказать, посыпалась Жюстин.

— Там генератор! — видя замешательство француженки, выскочила из-за ее спины Эмили, вспомнив первое, что на ум пришло: отключение света прошлой ночью. — Он там находится… — поймав пристальные взгляды, вернулась она за спину Жюстин.

— Хуан просто любит все эти болтики да схемки. Часто помогает с поломками, — приняла пас Жюстин.

Мелкие капли летели в лицо, а ветер, словно сойдя с ума, задирал металлические пластины хлева и вовсю ими гремел. Эмили, пытаясь сохранить равновесие, держалась за Жюстин и не сводила взгляда с Хуана, что, надежно укрывая курткой договор, уже к ним подходил.

Остановившись, мексиканец передал бумаги Жюстин, а та показала их агенту Перкинс.

— Келли. — Просматривая документ, Челси ткнула бесцветным ногтем в его дату.

Мэтт понимающе кивнул и, поправив ворот рубашки, отошел в сторону. Начал звонить.

— Договор подписан вчера? — Челси строго посмотрела на Эмили.

— Какие-то проблемы? — с улыбкой уточнила Жюстин.

— У меня нет, но получается, что после подписания договора Майкл Блэквуд исчез. Вы не находите это странным? — вопросительно подняла бровь Челси.

— Вообще нисколько. Он был шокирован, не знал, как вернуть, исправить все эти упущенные годы без дочки. — Жюстин театрально вздохнула. — Подписал договор и… поэтому уехал. Привести головешку в порядок, он после стресса обычно не просыхает.

— В базе дочь не числится, — вернулся Мэтт.

— Я же говорю, он узнал только на днях. — Жюстин пыталась врать как можно правдоподобнее. — Успели только договор подписать.

— Мисс Блэквуд, мы понимаем, что кажемся назойливыми, но это наша работа. Вы не думали, что показания правдивы и ваш отец действительно пропал? — Мэтт жалостливо посмотрел на Эмили.

— Показания? — навострила уши Жюстин.

— Мы настоятельно просим впустить нас в дом, — одернул пальто и, сделав вид, что сболтнул лишнего, поджал губы Мэтт.

— Только с ордером, — начала притворяться дочерью Эмили.

— Вам решать, — тяжело вздохнула Челси. — Раз по-плохому, будет вам ордер, и разрешение на ДНК-экспертизу мы тоже возьмем, не сомневайтесь, а уж дом… Его мы с ног на голову поставим, осмотрим все. Мышиные норки, если надо, по отпечаткам пройдем. — Она горделиво выпрямилась и посмотрела на женщин с особым презрением.

Ноги Эмили вмиг подкосились, а осознание, что ложь с отцовством все равно потом раскроется, попросту убивало. Заставляло идти на поводу у еще не произошедших, но неминуемых событий. У отложенного конца как для нее, так и для тех, кого она поклялась защищать. Конца для любви, которая из-за прошлой вины еще полноценно не наступила.

— Подумайте еще раз, мисс. — Мэтт добродушно заглянул в серые глаза Эмили.

— На выход, — резко влез Хуан. — Это частная территория, и без ордера вам находиться здесь нельзя. Проваливайте.

Мэтт вежливо улыбнулся Эмили и, демонстративно пожевав жвачку, развернулся. Отправился с Челси к припаркованной на обочине машине.

— Вы на хера им документы показали и какая она, да простит меня Мария, дочь? — пытался вникнуть в произошедшее Хуан.

— Так собственник нужен был, ну, чтобы ордер требовать, — подавленно произнесла Эмили.

— Это кто вам сказал? — прищурился Хуан.

— Они, — настороженно посмотрела на мексиканца Жюстин.

— Не, ну… — Хуан, качая головой, развел руки. — Ладно Жю, но ты-то, Эмили, в этой стране всю жизнь живешь. — Он тяжело выдохнул. — Только суд выдает ордер, и неважно, кто собственник.

— Я так и сказала! — тут же надулась Эмили.

— Она так и сказала! — нахмурилась Жюстин.

— А они сказали нет? — Хуан приподнял бровь. — Поздравляю, вас развели, — дополнил он и уверенно пошагал к дому.

От слов Хуана женщинам стало еще обиднее, еще больнее, а ощущение, что выхода, кроме тюремного срока, больше нет, и вовсе добивало, рушило планы, погружало в отчаяние…

В это время почерневший ключ зажигания с характерным щелчком провалился в замок. На лобовом стекле старого шевроле растекались тяжелые капли ледяного дождя, что с глухим стуком падали с черного неба и искажали обзор.

— Веришь им? — Мэтт завел служебный седан и, включив дворники, посмотрел на Челси.

— Тоже думаю теперь квартиру на нее переписать, — фыркнула Челси, выглядывая из-под лобового стекла на небо. — Я дома, кстати, окно не закрыла, зальет.

— А если наводка липа? — Мэтт выплюнул жвачку в пустую пластиковую бутылку.

— Не думаю. — Челси обернулась к Мэтту. — Целый букет нестыковок. Это оформление особняка на дочь… — Она показала пальцами кавычки. — Зачем? Не проще ее вписать в наследство или оформить по долям? Для чего?

— Надо проверить все его активы. — Мэтт постучал по рулю руками.

— И мелкую, кто такая вообще. — Челси задумчиво посмотрела вдаль. — Задницу порву, но это дело раскрою.

— Я так сильно раздражаю? — Мэтт с улыбкой посмотрел на Челси.

— Устала прикрывать твои интрижки. — Та заглянула ему в глаза. — Мы их допрашиваем, обманываем, играем фактами, Мэтт, но не спим с подозреваемыми. Понимаешь? Не трахаемся мы на работе.

— Попробуй как-нибудь. — Мэтт накинул ремень безопасности. — Меня прям заводит.

— Я дочкой займусь, — пристегнулась Челси. — Раскроем дело, и стану супервайзером. Бумажки, кофе, никаких перестрелок и главное… — Она ослепительно улыбнулась. — Тебя и твоего члена рядом не будет.

— Ревнуешь? — Он покосился на коллегу и, увидев в ответ средний палец, тронулся с места.

На улице лил черный дождь…

Глава 2

Звук ритмичных шагов отражался от каменных стен коридора еле слышимым эхом. Редкие почерневшие канделябры впивались стальными основаниями в блестящую от влаги кладку, а тусклые желтые лампы небрежно отбрасывали свет на спешившую через полумрак троицу.

— Протекает че-то все. — С хлюпом наступив кроссовкой в небольшую лужицу, Эмили попыталась подумать о чем-то еще, кроме страха.

— Владения Жю. — Хуан окинул взглядом плесень на стенах, что на глазах обрастала новыми шрамами от ручейков идущего снаружи дождя. — Майкл подарил, но ремонт, сука, из принципа не делал.

— Да заткнитесь уже. — Явно взволнованная Жюстин резко остановилась. — Пришли. — Она уперлась плечом в деревянную дверь и со скрежетом кое-как ее открыла. — Тут нас не услышат.

Представшая взгляду Эмили оранжерея с помутневшими от времени стеклами, что длинными рядами лежали на винтажных металлических прутьях, восхищала своей стариной. Легкий туман стелился по холодному гранитному полу и мягко окутывал зеленые растения. Успокаивал корни лиан, которые, как ни старались, упирались верхушками побегов в запотевшую крышу и все равно не могли вырваться наружу, к свету. Грузные капли ливня назойливо колотили по изогнутым сводам и, превращаясь в могучий поток, срывались вниз, через щели в стыках затекали внутрь. Приятная свежесть невольно кружила голову, бодрила, и только мелкие ветки и листья, которые, потрескивая, бились о стекло снаружи, отвлекали, создавая ощущение, что даже тут они не одни.

Смахнув пыль с края длинной каменной скамьи, полукругом стоявшей в центре, Жюстин понуро присела и уставилась на бегущие ручейки дождя.

— Ты зачем им так сказала? — Эмили подавленно посмотрела на француженку и, сев на лавочку с другого конца, устремила взгляд под ноги.

— А были еще варианты? — виновато пробубнила Жюстин. — Их нельзя было впускать. — Она обернулась к унывавшей Эмили.

— Меня могли позвать. — Хуан подошел к запотевшему окну и, скрипя пальцем по стеклу, нарисовал круг.

— Хуанито, какое, блядь, тебя? — резко отрезала Жюстин. — Их за ручку к свиньям и трупу отвести надо было?

— Какому еще трупу? — тут же округлила глаза Эмили.

«Je suis… Je m'en fous (Вот я… Да похер)», — поняла, что проболталась, француженка.

— Луиса убрали. — Хуан покрутил палец в круге и оставил в нем точку. — Был проблемой.

— Да вы… Мы же… А как же все по-другому будет? — Эмили жалобно посмотрела на спину Хуана. — Вы меня обманули, да? — с тревогой добавила она.

— Видишь эту пальму, Эмили? — Жюстин задумчиво указала на красивое шаровидное дерево. — Знаешь, сколько раз я лишние ветки срезала, чтобы она такой стала?

— Люди не пальмы… — снова уставилась в пол Эмили.

— Они еще хуже, — поставил в круге вторую точку Хуан. — Что делать теперь будем? — Он обернулся к женщинам, которые явно винили себя за оплошность с ФБР. — Босс?

Внутри Эмили зияла беспросветная дыра. Она заполоняла обреченной пустотой все мысли, высасывала былую радость от победы, а взамен выплевывала лишь пережеванные обрубки боли, мук совести и страха. Страха от неминуемого наказания за ее местами опро-

метчивые поступки. Выигранный бой за свободу искалеченных Майклом душ на глазах превращался в проигранную войну, в бумеранг из эгоистичных ошибок и наивных промахов.

«Зачем я на это все согласилась? Зачем? Надо было просто написать статью и пойти в полицию… Ну почему я такая-то? За что?» — грызла себя изнутри Эмили.

— Никакой я не босс, — расстроенно пробормотала она. — Ее спрашивай.

— Такое только Майкл решал… — не отводя взгляда от пальмы, проваливалась в свое собственное уныние Жюстин.

— ¡Basta, ya! ¡Perdóname, María! (Все, хватит! Да прости меня, Мария!) — повысил голос Хуан и резво отошел от окна. — Сидят как на похоронах… — Он подошел к Жюстин и взял ее за плечи. — Ты за этим сюда притащилась? Чтобы другие твоих соплей не видели, sí?

— Да ты охерел, что ли, Хуанито? — посмотрела на него хищным взглядом Жюстин.

Хуан прекрасно знал все табу француженки. Все эти красные линии, что почерневшими шрамами рассекали когда-то светлую душу. Они, словно клеймо, выжженное самим Сатаной, приросли к ней навеки, стали частью и постоянно напоминали о насилии над ее телом со стороны извращенцев клуба. Жюстин до сих пор не могла привыкнуть к тому, что кто-то может прикоснуться к ней без ее на то воли. Это не просто злило, а воспламеняло внутри непокорный пожар злобы и ярости. Ярости, готовой похоронить под обломками гнева любого, даже Хуана… Даже его.

— Ручонки, блядь, убрал! — Жюстин резко оттолкнула мексиканца.

— Вот! — Тот довольно указал пальцем на француженку. — Вот такой и сиди! А теперь думай. Обе думайте.

— С огнем играешь, Хуанито, — взглянула исподлобья Жюстин.

— Да там ФБР пострашнее будет. — Он кивнул в сторону окон.

— А ты сам что предлагаешь? — вскинула подбородок Жюстин.

— Луиса к утру съедят. — Хуан краем глаза приметил косой взгляд Эмили. — А озабоченного…

— Из молочка вытаскиваем? Размачивать уже не будем? — перебила француженка.

— Какого еще молочка? — резко выпрямилась Эмили.

— Подгорел же, такого бы не съели… — пожал плечами Хуан. — И не смотри на меня так, это ее идея. — Он несколько раз показал пальцем на Жюстин.

— Да вы совсем, что ли? У вас труп в молоке отмачивается? — Эмили моментально соскочила со скамьи. — Я такого даже в фильмах, блин, не видела!

— Не я, заметь, там бегала и все поджигала, — не удержалась Жюстин. — Показать кто?

— Я не бегала и не убивала никого!

— Просто подожгла, делов-то, да? — Жюстин вопросительно подняла бровь. — Так и запишем, самовоспламенился.

— Я читал, что некоторые на работе выгорают, — покрутил торчащий кверху ус Хуан.

— Да как вы вообще живете? — Эмили по очереди окинула их взглядом. — Вас совесть-то не мучает?

— Да ладно тебе. — Жюстин подвинулась к Эмили и потянула ее обратно на скамью. — Собаке собачья смерть, выберемся. Теперь все мы в одной лодке, подруга. Все в дерьме.

— Нельзя так, — опустила голову Эмили.

— С людьми, может, и нельзя, а с этими… с этими можно, — подмигнула француженка.

— Вот ФБР так и скажи, — пробубнила Эмили. — Еще ДНК-тест из-за тебя делать. Ты же понимаешь? Меня посадят, даже если Майкла не найдут. — Она взволнованно посмотрела на Жюстин.

— С ДНК я решу. — Та перевела взгляд в темные заросли. — Есть у меня один человечек.

— Кто? — с интересом спросил Хуан и снова подошел к окну.

— Меньше знаешь, крепче спишь, Хуанито. Сказала, решу, — не хотела называть ненавистное ему имя француженка.

— Надо тело спрятать, дом убрать и нимф в клуб перевезти. — Он обернулся к Жюстин.

— Обставим как несчастный случай, — кивнула та.

— Только вывозить и нимф, и его надо тихо, к утру тут уже слежка будет.

— А гостей? Гостей мы не можем привлечь? — с надеждой влезла Эмили.

— Демократов? — удивилась Жюстин. — Да они сейчас перед выборами как обоссанные кони носятся. Не пойдут на такой риск.

— Первые и сдадут федералам ради пиара, скажут, фейками шантажировали, — добавил Хуан.

— Кстати, а ведь кто-то нас сдал… — задумалась Жюстин. — Есть идеи, что за амеба? — Она посмотрела на медленно повертевшего головой Хуана. — Эмили, ты никому не говорила?

— Да когда? — бегая взглядом, ответила та, умолчав про разговор с Лукрецией.

— В общем, пока действуем так. Вывозим нимф и обгоревшую кочерыжку, подстраиваем какую-нибудь аварию, ну и закрываем вопрос с ДНК, естественно. — Жюстин кивнула Эмили. — Всем все ясно? — до конца взяла себя в руки француженка. — Ведем себя спокойно, легенду знаете.

— А что нимфам скажем? — Эмили вопросительно посмотрела на Жюстин.

— Пока ничего, — встала со скамьи та. — Тут все равно только подвальные жили… — Француженка на секунду задумалась. — Теперь у них будет другой дом. — Она наклонилась к Эмили и с улыбкой похлопала ее по плечу.

— Я просто хочу… — подняла грустные глаза Эмили. — Хочу, чтобы все не зря было.

— Не зря, подруга. Далеко не зря. — Жюстин присела рядом и обняла ее. — Вылезем…

«O iremos a prisión (Или сядем)», — закончив нарисованный смайлик улыбкой, подумал Хуан и, взглянув на прижавшуюся к француженке Эмили, вышел из помещения.

Капли без устали молотили по запотевшему стеклу оранжереи, а вдалеке слышались раскаты грома.

Все еще лил черный дождь…

Часы в квартире Эмили уже показывали начало одиннадцатого вечера, а та до сих пор не могла настроиться на визит в клуб в своей новой роли. Чувство ответственности постоянно давило, а волнение за то, как ее воспримут гости и остальные нимфы, неустанно росло. Посмотрев еще раз в зеркало, она вновь поправила облегающее бордовое мини-платье, которое было надето на ней во время ненавистной близости с Эриком, а затем громко потопталась на паркете в темно-красных туфлях.

«Как шлюха снова, и зачем я Жюстин слушаю? Но другой-то подходящей одежды все равно нет», — поймала себя на мысли Эмили, вспомнив надоевшие за вечер лекции француженки о недопустимости быть «замухрышкой в биноклях», которые, собственно, и стали одной из причин именно сегодня вернуться домой: сменить очки на синие контактные линзы и забрать в Ривер-Касл вещи.

— Эмили. — В дверь ее квартиры постучал Хуан.

— А? — открыла дверь та.

— Да. Уже у нее, — пробормотал в смартфон Хуан. — Передам. Все. — Он закончил вызов и зашел в квартиру. — Надо ехать, Жюстин ждет.

— Я сейчас, — понимающе кивнула Эмили.

— Все собрала? Ничего не забыла? — Хуан огляделся по сторонам.

— Документы, ноутбук. — Эмили указала на две сумки, что стояли у стены. — Флешка. — Она взяла с комода сумочку и на всякий случай еще раз в нее заглянула. — Все, как договорились. А ФБР точно сюда обыскивать приедут?

— Я бы приехал. — Хуан вспомнил учебу в полицейской академии, которую из-за отсутствия денег не смог закончить, и посмотрел на сидящего в углу медведя. — Можем и его.

— Он не мой, — взглянув на плюшевую игрушку, с грустью произнесла Эмили.

Заметив мелькнувшую в глазах Эмили боль, Хуан молча кивнул и, взяв в руки сумки, вышел вместе с ней из квартиры.

Капли настырного дождя барабанили по черной крыше кадиллака и хлестко будоражили отражения одинокого уличного фонаря в многочисленных лужицах. Дворники на лобовом стекле в спешке сметали ручьи воды, а в салоне вовсю шумел кондиционер.

— Заводи, — похлопал по заднему крылу автомобиля Хуан и, уложив вещи, закрыл багажник.

Эмили не отпускала мысль, что возвращаться сюда ей больше не придется. В последний раз она посмотрела на тусклый, казавшийся сейчас таким родным подъезд, на безжизненные окна своей квартиры, на мокрые листья, прибитые к асфальту сильным дождем, и почувствовала, как автомобиль плавно тронулся. Повез их с Хуаном в новый для нее мир.

Приятная мелодия бамбуковой флейты сегодня, к удивлению француженки, совсем не ласкала слух. И красный неон подсветки специальных зон, где нетерпеливые клиенты, словно в пылающих среди полумрака очагах разврата, публично предавались своим грязным фантазиям, тоже… тоже не возбуждал.

Жюстин вообще старалась не обращать внимания на громкие стоны, что нагло перебивали музыку, не смотреть на влажные от жары тела, которые в красном зареве содрогались в предоргазменных судорогах. Сейчас ее волновало только одно: бесконечные вопросы гостей о Майкле.

Скользкие от потных рук француженки перила на балконе второго этажа поблескивали в свете гулявших по атриуму розовых прожекторов, а ее холодный взгляд буквально прилипал ко входу. Сверлил двери в ожидании Хуана и Эмили.

— Мэм, — раздался за спиной взволнованный голос одного из охранников.

Жюстин нехотя повернула голову и косо посмотрела на плечистого мужчину.

Несмотря ни на что, выглядела сегодня она, как всегда, стильно. Чистая кожа снова благоухала лавандой и мандарином, а черное платье с широким разрезом полностью обнажало бок ее спортивного тела, вызывающе дразнило полуоткрытой грудью. Остроносые туфли на высоком каблуке изящно подчеркивали тонкие щиколотки и добавляли аристократического шарма, завершая образ уверенной в себе леди.

— Мэм, — тяжелым басом повторил охранник, стараясь не смотреть на ее приоткрытые прелести.

— В попугайчика решил поиграть? — Жюстин грациозно выпрямилась и повернулась. — Или по делу пришел? — Она прислонилась спиной к горячим от рук перилам.

— Простите, мэм, но там снова… — Охранник потер вспотевшие ладони, стараясь не встречаться глазами с француженкой. — Нимфа у клеток отказывается.

— Еще одна? — не веря в услышанное, нахмурилась Жюстин.

— Все так, мэм. — Охранник неловко скрестил руки за спиной и кивнул.

«Mais où diable êtes-vous? (Да где вас черти носят?)» — в очередной раз подумала Жюстин и снова отвернулась, уставилась на вход.

— Передай — скоро буду, — не отводя взгляда от дверей, строго произнесла француженка.

— Это же мистер Лексингтон, мэм.

— Сука мелкая, — не сдержалась Жюстин, понимая, что разрушать второй раз за вечер ожидания двадцатилетнему сыночку окружного прокурора нельзя. — С ним вообще, что ли, никто не хочет? — обернулась она.

Охранник уверенно помотал головой.

— Нарожают дегенератов… — не выдержала Жюстин. — Идем.

Она горделиво пригладила жесткие от геля волосы, стянутые сзади резинкой, и отправилась с охранником решать возникший отказ.

Яркий розовый свет прожекторов медленно гулял по атриуму, заботливо ластился к посетителям, а затем снова оставлял их в полумраке. Жюстин уверенно вышагивала в сторону клеток своей любимой походкой и попутно кивала гостям. Те, конечно, ей отвечали, также кивали, вежливо улыбались, поднимали за встречу бокалы, а затем, скрывшись за спиной, о чем-то шептались, закатывали в недовольстве глаза. Француженка, как никто другой, улавливала весь этот фон, замечала каждую мелочь, каждую притаившуюся в темноте змею, но не подавала виду и, стараясь выглядеть невозмутимо, демонстрировала гостям, что все хорошо.

— Я сказал, в комнату пошла, животное! — громко крикнул юноша на миниатюрную черноволосую британку.

В кружевном нижнем белье она со спокойным видом стояла у клетки и смотрела ему в глаза.

— У нас новые правила, сэр, — продолжала настаивать девушка.

— Да ссал я на ваши правила! Ты, шлюха, знаешь, кто мой отец? — Блондин подошел к ней ближе. — Знаешь, сука?!

— Ох, да тут целый крокодил в гневе! — издевательски донеслось за спиной юноши. — Пиписька, что ли, проросла, Чипи? — Француженка вальяжно встала рядом.

— Жюстин… — тут же ссутулился юноша.

— Папочка-то знает, как себя ведешь? — Она с презрением посмотрела на Чипа. — Может, позвоним? Расскажем?

— Я не нарушаю правил! Я ее оплатил! — снова повысил звонкий голос юноша.

— У нас они новые, — уставила руки в бока француженка. — Во-о-он на стеночке висят. Позыркай. — Она кивнула в сторону входа.

— А здесь тогда че? — Юноша подошел к табличке у клетки и ткнул в нее пальцем. — Платишь и забираешь! Или я слепошарый, по-твоему?

— Это при условии, что с вами согласятся пойти, — поспешил влезть охранник. — Я же вам это уже говорил, сэр.

— И на хера мне такие условия? Если со мной никто не хочет? — Чип нервно посмотрел на охранника.

Жюстин моментально ощутила, как по спине холодной волной прошел неприятный озноб, а слова юноши уже отзывались внутри предвестием страшной бури. Француженка вдруг осознала и начала понимать свой просчет. До этой минуты ей и правда казалось, что нимфам нужно всего лишь платить за работу, создать им честную мотивацию. Но, как она сейчас убедилась, даже это не могло их заставить трахаться с извращенцами клуба и ублажать этих ебанутых гостей.

Жюстин, конечно, догадывалась, что многие, прошедшие через ад изощренных фантазий, особенно здесь, в клетках, не захотят попадать в него снова, но ведь человечное отношение к ним должно было все изменить. Убедить в необходимости малой жертвы ради общего блага, ради их благополучия, ради их «нелегальной семьи».

— Найдем тебе другую, — резко ответила Жюстин. — Кэсси. — Она кивком приказала нимфе уйти на второй этаж и, поймав благодарный взгляд, холодно посмотрела на юношу.

— Другую? — возмутился Чип. — Я не хочу другую! Я выбрал свой товар! Заметь, второй раз!

— Такие правила, Чипи, смирись… — обернулась ко входу француженка.

— Нет, согласных, что ли, теперь еще бегать искать? — развел руки в стороны Чип. — Вы че, тут совсем ебанулись?

— Другую, я сказала, найдем! — рявкнула Жюстин и кивнула охраннику, чтобы тот поискал нимфу.

— Дай мне поговорить с Майклом. Слышишь? Потому что это пиздец, а не правила! Я понимаю, Жюстин, это твоя работа, я тебя, блядь, уважаю, все такое, но ты же сама видишь, в какую срань он клуб превращает!

Жюстин тут же громко рассмеялась.

— Чипи, скажи, ты совсем долбоеб? — Француженка подошла к нему ближе и заглянула в голубые глаза. — Я даже намекать ему на этот разговор не буду, не хочу, чтобы ты сдох… Понимаешь меня? — Она холодно подергала его за щеку.

Чип захотел скинуть руку француженки, но побоялся усугублять.

— Поэтому заткнулся, сел на стульчик и начал молиться, чтобы тебе нимфу нашли, а не кол в жопу запихали. Уловил, моська? — закончила свой блеф Жюстин и, ярко улыбнувшись, заботливо смахнула его челку набок.

«Сука длинноногая, я тебе, пизда, еще припомню», — купаясь в страхе, ненавистно подумал Чип.

— Прости, Жюстин, занесло. — Он неохотно кивнул и удалился в направлении соседнего от клеток столика.

Француженка медленно выдохнула, а ее лицо будто обжигал багряный неон. За спиной все так же шептались тени, и только белый огонек напольной подсветки, что зажегся у входа, спасительно напомнил: она не одна.

Яркий белый свет буквально ослеплял Эмили, прятал за собой иной мир, что хоть и был пока скрыт от синих глаз, но уже знакомо манил симфонией оргазмов и стонов. Проникал запахами секса глубоко в нутро и клешнями выдирал оттуда самое уязвимое, что есть в человеке, — желание безнаказанно нарушать запреты.

Белая пелена перед глазами, встречавшая всех гостей, вновь заставляла идти вперед и, словно вынуждая избавиться от нее, ненавязчиво подталкивала в сладкую тьму. Во владения соблазна, откуда с разных сторон уже доносились громкие крики, эти липкие звуки падшей любви, что вперемешку с гулом толпы и мелодией флейты превращались в давящий возбуждением нарратив.

Сделав несколько шагов, Эмили улыбнулась галантным кавалерам и поздоровалась со средних лет дамой, которая вела на поводке гавкающего судью. Тот вырывался, брыкался и, как ей казалось, отчаянно норовил обоссать пол. Розовые прожекторы неустанно кружили по атриуму в похотливом вальсе и высвечивали довольные лица посетителей. На какой-то миг Эмили даже подумала, что по-настоящему рада и счастлива быть здесь хозяйкой.

Шаг за шагом волнение улетучивалось, растворялось в окружавшей ее улыбчивой лести — в этой невидимой убийце чести и достоинства, что незаметно обнажала горделивые «я», а затем безжалостно их пожирала, разрывая на куски похотью и развратом. Штампуя все новых и новых марионеток клуба.

Облегающее мини-платье Эмили ожидаемо собирало голодные взгляды гостей, а ноги, эффектно удлиненные туфлями на платформе, и вовсе заставляли некоторых прилюдно дрочить. Эмили сейчас как никогда понимала, что эти хищники больше для нее не опасны, что отныне все под контролем и никто больше не сможет причинить ей тут вред. Поэтому и не боялась, уверенно шла в теперь уже свой кабинет.

Взгляд ее вместе с розовым светом неспешно гулял по всем лабиринтам стелившейся по клубу тьмы. Замечал накрытую серой тканью статую Афродиты, что казалась бельмом на глазу. Останавливался на уютно устроившихся за столиками с сердечками парах, что искали взглядом, с кем бы разнообразить супружескую жизнь. Замирал на знакомых по страницам журналов пожилых кутюрье, что, как собаки, на четвереньках «принимали на работу» очеред-

ных моделей. Блуждал по скачущей на члене чернокожего сатира ведущей новостей. В клубе, как и при Майкле, царил все тот же порок.

— Куда собралась, красотуля? — как всегда, незаметно подкралась Жюстин и игриво почесала Эмили спину.

— Да ну тебя! — Та резко обернулась. — Просила же!

— Не удержалась, извини. — Француженка искренне покачала головой и оглядела наряд Эмили. — Ну вот, другое дело, говорю же, бинокли эти вообще не твое. — Жюстин подошла ближе и наклонилась к уху. — Только платьишко надо посолиднее, — шепнула она.

— Другого-то нет, — неловко пожала плечами Эмили.

— Значит, прику-у-упим. — Жюстин приобняла ее за плечи. — А где Хуанито? — Она пробежала взглядом по атриуму.

— С охранниками остался. Инструкции, что ли, обновляет. — Эмили кивнула на вход. — Там еще.

— Да, тебя надо в базу внести, — понимающе кивнула Жюстин.

— Тебе из больницы не звонили? — Эмили, конечно, не могла забыть про Билла.

— Ну нет, подруга, так не пойдет. — Жюстин захотела помочь ей преодолеть разрушающий страх. — Сейчас идем в кабинет, и я не выпущу тебя оттуда, пока не позвонишь.

— Побудешь рядом? — от приятного ощущения заботы нежно улыбнулась та.

— Побуду. — Взяв Эмили за плечи, француженка повертела ее в стороны. — Идем.

— А про клуб расскажешь, чего да как тут? Как с гостями себя потом вести?

— Кстати о птичках… — Жюстин снова огляделась. — Пока не будем говорить про тебя, — нехотя произнесла она.

— А… а почему? — растерялась Эмили.

— Им нужно время, — снова шепнула на ухо француженка и обернулась к окликнувшему ее охраннику.

— Мэм. — Тот подошел быстрым шагом и глубоко вздохнул. — Никто.

— А если подлиннее? — подняла бровь Жюстин.

— С ним никто не хочет, мэм, — виновато произнес охранник. — Всех обошел.

— Можешь идти, — сдерживая злость, черство кивнула француженка.

— Че-то не так? — в готовности помочь спросила Эмили.

— Ерунда, разберусь, — маскировала за внешним спокойствием начало потери контроля над клубом Жюстин. — А как решу, сразу к тебе и позвоним, oui?

— Хорошо, но, если я нужна, я мог… — Эмили показалось, что француженка чем-то обеспокоена.

— Дуй давай в кабинетик, хозяюшка, — перебила Жюстин и с наигранной радостью потискала Эмили. — Но, честно, не отсвечивай, ладно? А если спросят, скажи, что моя помощница.

— Ну, если так пока надо… — Та опустила глаза, понимая, что уходит на второй план в жизни клуба.

— Это временно. Слышишь? На вре-е-емя. — Жюстин попыталась подбодрить Эмили, а затем ласково улыбнулась и проводила взглядом до лестницы.

Но сейчас француженку волновало не это, сейчас она не верила в то, что никто так и не согласился идти в комнату с Лексингтоном. Никто. Жюстин прекрасно понимала всю перспективу отказа юноше и уже чувствовала, как ползет первая трещина в неокрепшем фундаменте ее выстраданной мечты, поэтому допустить обрушения нового порядка просто не могла.

Это незримое лезвие ответственности перед нимфами будто втыкалось в макушку, впивалось в нее острием, а обещания, данные Эмили, да и просто желание сохранить всем право на жизнь не оставляли ей другого выбора — только заменить нимфу собой.

Холодные токи на кончиках пальцев, как назойливые муравьи, начали заползать под темно-лиловые ногти. А предчувствие новых и далеко не забытых старых унижений, что, хоть и на время, пройдут по ней ураганом и сметут к черту стальное «я», весь этот выстроенный образ властной роковой домины, погружало в пучину уныния, а на фоне проблем с ФБР и вовсе ломало… Впервые за долгое время ей хотелось истерично реветь.

Одна мысль о том, что ей снова придется исполнять чью-то волю, надевать на себя эти рабские оковы извращенных фантазий, которые, казалось, навсегда остались в прошлом, не просто угнетала, а машинным прессом давила всю ее горделивую суть. Обнажала страхи, что ее увидят и запомнят другой.

«Mais non, c'est mon rêve, ce sont mes filles, ce sont mes promesses, et je laisserai pas un connard me les arracher (Нет, это моя мечта, это мои девочки, это мои обещания, и я не дам какому-то мудаку у меня их отнять)», — подумала Жюстин и твердо решила идти в комнату с юношей.

Красный неон у клеток застыл на горизонте кровавым пятном, а француженка продолжала улыбаться гостям, чувствовать спиной недовольные взгляды и, сжимая кулаки, все равно идти вперед…

Вперед, делая вид, что все хорошо…

Глава 3

Тусклый свет включенных мониторов, висевших на главной стене кабинета, уныло падал на кресло, обитое дорогой красной кожей, и отражался от зеркальных стен. Палочки благовоний, что в спешке воткнула Жюстин, резали глаза неприметным дымом, но ласкали нос терпким ароматом красного апельсина. Эмили осторожно прошла сквозь полумрак, через эту почему-то пугающую тишину и робко села в кресло. Поджав ноги, она осмотрелась по сторонам и уставилась в мониторы.

«Да тут камер-то… — удивилась масштабу шпионажа Эмили. — И в комнатах, что ли, есть?» — Узнав знакомые интерьеры, она до конца поняла устройство клуба и то, как бывший хозяин наблюдал за всеми. Следил за ней.

От этого осознания внутри Эмили взыграло мерзкое чувство, что она тут совсем не одна, что в темном углу кто-то есть, что сам Майкл с улыбкой наблюдает за ней оттуда. Почувствовав, как легкая дрожь резко промчалась по спине, Эмили моментально вытащила из сумочки смартфон и посветила его фонариком в темноту.

«Блин… Вот только паранойи мне сейчас не хватало… Он в прошлом! Это все в прошлом!» — успокоила себя она, убедившись в своем полном одиночестве, и, закрыв глаза, глубоко вздохнула, а затем медленно откинулась в кресле.

Мысли о том, что клуб теперь принадлежит ей, грели, но одновременно давили. С одной стороны, Эмили понимала, что больше ни в чем не нуждается, ведь отныне она в центре власти. Но с другой, с той, что адскими углями тлела в раскаленных глубинах души, Эмили осознавала ужасную ответственность перед всеми, испытывала усиленный недавними событиями страх. Он, словно паразит, пожирал надежду изнутри и делал боль неотъемлемым фоном. Постоянно напоминал, что за все это, возможно, придется платить как свободой, так и потерей Билла. Ввергал ее в состояние — ни жива ни мертва.

«Билл… Ну почему ты не звонишь… — Она нашла его номер в контактах смартфона. — Я ведь… Мне просто стыдно, и я очень боюсь, что ты меня не простишь», — не сводила взгляда с экрана Эмили, но он снова… снова погас.

В эту секунду в сознание Билла ударила яркая вспышка, и он впервые после событий в Ривер-Касл наконец-то открыл глаза. Серые от темноты стены больничной палаты расплывались бесформенным пятном, писк медицинских приборов громко гудел в ушах, а сухость во рту мешала нормально дышать. За окном на фоне размытых огней небоскребов гнулись облетевшие осины, в стекло стучался назойливый дождь.

«С-с-сука…» — попытался повернуть голову Билл, но не смог. Тело не слушалось, а голова трещала, как после годичного запоя. Он отчаянно старался вспомнить, что с ним случилось, и понять, где он сейчас. Мысли путались с образами, гремели криками, плачем и голосом: «Не умирай…»

«Эмили!» — Его память резко всколыхнул момент перед полной отключкой, и он попробовал встать с кровати, но не сумел… Только свалил капельницу на пол и неуклюжими движениями сорвал датчики сердечного ритма с груди, а затем под монотонный писк прибора, который тут же зафиксировал сбой, снова упал в кровать.

— Сэр! — В палату забежала молодая медсестра с ярко-розовыми волосами. — Да вы что! — Она быстро включила свет и подняла с пола капельницу с вытекавшим раствором глюкозы. — Вам сейчас нельзя подниматься. — Девушка поправила подушку под головой Билла и посветила фонариком ему в зрачки.

Билл пытался спросить, узнать, где Эмили, но сухость во рту не давала, оттуда вырывался лишь хрип. Обессилевшей рукой он указал на графин с водой, который стоял на столике рядом, и всем своим видом показал, что хочет пить.

— Только медленно. — Медсестра поднесла Биллу воды и помогла лечь повыше. — Вы сильно истощены. — Она контролировала его трясущуюся руку, что с трудом удерживала пластиковый стаканчик.

— Эм-мили, — допив, кое-как произнес Билл. — Мне н-нужно…

— Сэр, если вы о девушке, что привезла вас, то она давно уехала.

— М-маленькая?

— Высокая, вроде француженка, — поставила пустой стаканчик на столик медсестра. — Моя смена была.

— Т-телефон? — Билл искал взглядом свои вещи, понимая, что привезла его не Эмили, а Жюстин. — Где м-мой т-телефон…

Осознание того, что он в больнице и жив, а значит, Майкл получил все, что хотел… надругался над Эмили, забрал ее, подчинил, не просто сводило с ума, оно убивало.

— Ваша одежда у леди Анжелики.

Медсестра приспустила одеяло до пояса Билла и заметила надпись маркером на внутренней стороне плеча у самой подмышки.

— Медвежонок? — не удержавшись, хихикнула она. — Умеете вы, конечно, отдыхать, мистер Свифт.

Словно в дурмане, тот извернулся и кое-как прочитал прыгающий в глазах текст, что оставила Жюстин: «Эмили дома, медвежонок. Ты победил».

«Жива… — С плеч Билла будто свалился небоскреб. — Ты не с ним…» — Его глаза заблестели облегчением и верой в то, что он все-таки помог спасти Эмили.

— Отдыхайте, мистер Свифт. — Девушка вернула присоски на грудь Билла.

— Телефон? — Тот умоляющим взглядом посмотрел на нее.

— Отдыхайте, — повторила медсестра и, укрыв Билла одеялом, вышла.

Ненасытный морок, что, как пелена, накрывал сознание Билла, уходил прочь, а в памяти воскресали события хеллоуинской ночи. Они пылали в душе жгучей болью, мучили, и только надпись на руке, как спасательный круг, не давала полностью утонуть в океане отчаяния и сгинуть в черных водах разбитой любви.

— Очнулся? — услышал в коридоре знакомый и недовольный голос Билл. — Не знаю я никакой Эмили!

«Блядь», — подумал он и, увидев, как в палату зашла мать, моментально закрыл глаза.

— Алкоголик ты чертов! Ты что, собака, устроил опять?! — закричала с порога Анжелика. — С какой шлюхой ты там, скотина, снова нажрался, что сутки! Сутки тебя тут выхаживали! — Она встала напротив кровати и уставила руки в бока.

— Н-не кричи ты так. — Билл хотел от нее отвернуться, но не смог.

— Да ты что, паскуда, себе позволяешь?! — не унималась Анжелика. — Кто такая эта Эмили?! Я ее, собаку, разнесу!

— Не лезь.

— Ах, не лезь, — заметалась по палате Анжелика. — Не лезь, значит?! Тварь, клялся мне, обещал! Моли, сволочь, Бога, чтобы отец Анны не узнал! Слышишь? В глаза мне смотри, ничтожество!

— Да все не так было. — Билл с прищуром посмотрел на мать.

— Не так? Тогда объясни мне, куда ты деньги дел? Пропил? На шлюху свою спустил? — Ее тень снова грозно нависла над Биллом. — Нам из банка звонили! Понимаешь?! Не для того тебе отец эти миллионы давал! Верил, как дурак, надеялся, что человеком станешь! По его стопам пойдешь! А ты?!

— Б-были же вчера… — пытаясь убедительно солгать, как можно жалобнее пробормотал Билл. — Я р-разберусь с б-банком, но сейчас м-мне правда п-плохо.

— А нам? Нам хорошо?! — Из глаз Анжелики покатились слезы. — Мы еще даже не спали! Сутки не спали! Да отец такие деньги сюда пожертвовал, чтобы никто не узнал, как ты тут, собака, от запоя отходишь! — Она села на стул и заплакала.

— Я не пил, ма… — В Билла ожидаемо врезалось чувство вины. — Ну ма.

— Кому ты врешь, сынок? Кому? — Анжелика сквозь слезы посмотрела на Билла. — Да я от твоих анализов… Меня чуть инфаркт не хватил. Как в тебя вообще столько влезло?! Как?

Билл тяжело вздохнул и уставился в потолок.

— В последний раз повторяю, задумайся над тем, что натворил, и через неделю чтобы как огурец был. — Анжелика вытерла слезы платком и встала.

— Неделю?

— Мы уже запланировали свадьбу, будет весь бомонд, пресса. — Анжелика положила ладонь на руку Билла. — Нам с отцом нужна публичность и не нужны слухи.

— Вы совсем, что ли? — не выдержав, попытался скинуть руку матери Билл, но безуспешно, та сейчас была явно сильнее.

— Ты нам слово дал, и это последний шанс все исправить, — отошла от кровати Анжелика и направилась к двери. — Последний, Билл. Сам знаешь, выборы. — Она остановилась и посмотрела на него любящим, но холодным взглядом.

— Телефон у тебя?

Анжелика, сдерживая себя, глубоко вздохнула.

— Шлюхе своей звонить? Не получишь. — Она злобно фыркнула и, выключив свет, вышла.

Билл с досадой закрыл глаза. Холодный дождь назойливо продолжал стучаться в окно, а в голове росла пустота. Бездна, в которой, как маяк, светился только один спасительный образ. Образ непогасшей любви — Эмили.

Эмили снова взглянула на черный экран смартфона и, положив его на столик, подошла к зеркальной стене. «Трусиха, самая настоящая трусиха, вот ты кто! — Она, нахмурившись, надула щеки и посмотрела в свое отражение, но, услышав рингтон, резко обернулась. — Билл!»

Подбежав к смартфону, она, чуть не роняя, поднесла его к уху и даже не заметила, кто звонит.

— Да, — с робкой надеждой произнесла Эмили.

— Уайт? — как лезвием по сердцу прошелся голос бывшей начальницы и буквально порезал на лоскуты все ее ожидания.

Холодный дождь заливал окно кабинета Лукреции грузными каплями, а очертания Бруклинского моста за стеклом проступали блеклыми огнями. Тусклый свет лампы отражался от лакированного стола и поблескивал в полупустом бокале с виски, который хозяйка журнала нервно крутила на столешнице. Перед ее глазами лежала измятая бумага, где, как приговор, были напечатаны сумма долга и требование, в случае неуплаты, выставить журнал на торги.

Лукреция понимала, что сделала все, возвращая ему популярность, но новая эпоха, новые источники информации, все эти каналы и блоги в соцсетях, как ни крути, хоронили ее детище на глазах. Она прекрасно осознавала свое положение, трезво оценивала крах и, конечно, корила себя за то, что не развивала редакцию в духе наступившего времени. И теперь это фиаско, что еще может стать спасительным дном, от которого она оттолкнется, затянет пояс и исправит все, буквально кричало: нужна разгромная статья, сенсация, которая всколыхнет весь мир. Ведь только это могло вернуть ей былую славу, только это могло сохранить журнал.

— Лук… — От расстройства Эмили даже не смогла произнести ее имя и понимала, что если бы увидела, кто звонит, то трубку бы вообще не взяла.

— Скажу кратко, Уайт. — Лукреция прикурила очередную сигарету. — Мне нужна статья.

— Я же уже сказала, — резко ответила Эмили. — Не буду ничего писать.

— Сколько? — выпустила дым изо рта Лукреция и откинулась в кресло.

— А? — непроизвольно оглянулась на темный угол Эмили.

— Сколько ты хочешь за флешку? — холодно спросила бывшая начальница. — Статью я напишу сама.

— Да не буду я ничего вам продавать! — нахмурилась Эмили. — Отстаньте вы от меня!

«Значит, она все еще у тебя…» — поймала себя на мысли Лукреция.

— Я хорошо заплачу, Уайт.

— Да сколько вам повторять?! Нет! — Эмили покосилась на монитор, где увидела Жюстин и улыбавшегося юношу.

— Не понимаю тебя… — Хозяйка журнала сделала глоток виски и покрутила сигарету по забитой окурками пепельнице. — То жизнью рискуешь, чтобы этот клуб закрыть, теперь, как упрямая корова, не хочешь доводить дело до конца! — не выдержав, ударила по столу кулаком Лукреция. — Она тебя купила?! Эта твоя Жюстин. Купила, да?!

«Еще перед тобой оправдываться? Ты больше не власть», — подумала Эмили.

— Я все сказала, — холодно оборвала она и сбросила вызов.

— Да как ты смеешь, мелюзга?! Я и не таких перемалывала! — Лукреция с размаха швырнула бокал в стену и, схватив бутылку, сделала глубокий глоток прямо из горла. — Не таких… — повторила она и окончательно приняла единственное, как ей казалось, верное решение — украсть флешку.

Легкое раздражение от звонка, словно неловкая встреча с бывшим, осело на задворках души Эмили мерзким липким налетом. Оно, как противный и теплый утренний кофе, вызывало внутренний дискомфорт, но зато снимало важный для нее вопрос. Лукреция не предатель. Признаться честно, Эмили и не верила в это, и теперь всего-навсего убедилась, что та ничего не знает, а стучать ФБР так и вообще шло вразрез с планами на статью.

«Аж лицо загорелось, надо умыться, блин… — подумала Эмили, трогая щеку, и обратила внимание на монитор, на котором Жюстин заходила в комнату с юношей. — А это ей зачем? Мы же позвонить хотели… — сразу загрустила она, но подсматривать и узнавать причины такого поступка не стала. Посчитала подлым вмешиваться в чужую интимную жизнь. — Странно, а раньше ведь хотела, но теперь… теперь даже возбуждения нет». — Связав это с навалившимися проблемами и разлукой с любимым, Эмили еще раз посмотрела на темный экран смартфона и вышла из кабинета, чтобы освежиться.

И лишь монитор, что тускло светил в пустой комнате, показывал две фигуры: довольного юношу и вставшую перед ним на колени Жюстин…

Мрачная облезшая штукатурка за спиной француженки выглядела сейчас, пожалуй, единственным светлым пятном в этой тьме. Раскаленная до предела желтая лампа в прожекторе, что стоял в углу, била ей прямо в лицо и слепила глаза. Холод, идущий от обшарпанных стен, морозил тело, а жесткие доски пола, что раздражающе скрипели от хождений Чипа вокруг нее, создавали атмосферу даже не допроса, а пытки, из которой Жюстин вырваться просто не могла. Мысли летели в бездну, и в сознании, которое отчаянно пыталось ухватиться за реальность вне этих давящих стен, возникали лишь образы, обрывки того, кем она за пределами этой темницы была.

Комната «Зеркало Афродиты» отличалась от других тем, что ее посещали исключительно самые отбитые психопаты из элиты, изверги, любящие копаться в человеческих муках и мозгах. Здесь не было никаких барьеров, здесь можно было ломать, унижать нимф не только физически, но и словами. Вытаскивать наружу, как клещами, все страхи, прошлые боли, всю правду, какой бы она ни была. Нельзя было врать, нельзя было играть роли, ведь в этом месте

обнажалось не только тело, но и душа. Именно поэтому девушки и отказывались идти сюда, именно поэтому некоторые предпочитали подвал. Сырую темницу, которая хоть и запирала тебя в неволе, но все же не напоминала, кто ты на самом деле и как ты сюда попал.

— Имя, — держа руки за спиной, вальяжно расхаживал вокруг француженки Чип.

— Жюстин, — холодно ответила та, отвернув голову от назойливого света.

— Ты считаешь себя особенной, Жюстин? — издевательским тоном спросил юноша и встал позади нее. — Считаешь себя властью?

— Да, — уверенно держалась та.

— А я так не считаю. — Он склонился к ее уху. — Погавкай… или откажись. Проверим, какая ты королева.

Руки за спиной француженки сжимались в кулаки, ей хотелось встать и придушить эту мерзкую тварь, отомстить за себя и всех нимф, которых он тут унижал, поквитаться за все. Но холодный расчет останавливал. Она прекрасно понимала все перспективы отказа, перспективы бунтарства, перспективы попыток отстоять свою честь, что в лучшем случае вели за решетку не только ее, но и всех, кто был ей дорог, всех, кого она не могла подвести. Поэтому Жюстин и решила не отходить от плана: попросту самой сломать его волю сексом и страстью.

— Гав, — процедила сквозь зубы француженка.

— Громче! — отошел от нее юноша и переключил прожектор на менее яркий режим, чтобы лучше разглядеть ее сломленный вид.

— Гав! — на всю комнату рявкнула Жюстин, впиваясь ногтями в ладони.

— Вот… Видишь, как она иллюзорна, эта власть? — Он встал перед ней, отбрасывая на пол уродливую тень. — Была у тебя, а теперь у меня. — Чип раздражающе хихикнул и неприятно улыбнулся. — А если честно, то у тебя ее никогда и не было. Ты ведь шлюха… — Юноша наклонился и посмотрел в эти невозмутимые зеленые глаза. — Просто блядь, которая пока нужна Майклу.

Француженка пыталась сопротивляться его словам, но боль как раз и заключалась в том, что он говорил правду. Даже сейчас, уже освободившись от рабских оков старого хозяина, она по-прежнему взаперти, по-прежнему скована, только уже обещаниями перед нимфами и Эмили. Скована верой, что она изменит клуб в лучшую сторону.

— А ты, Чипи? — приятно улыбнулась француженка. — Кто ты? Сынок богатенького прокурора, которому даже шлюхи не дают? — Жюстин издевательски склонила набок голову. — Oui?

— Заткнись на хуй! — Он замахнулся на француженку.

— Ударь меня! Ударь! — Зная, что в комнате это запрещено, Жюстин хладнокровно пыталась вынудить его нарушить правила. — Не можешь? А как же твоя хваленая власть? — вскинула бровь она, заметив задрожавший мизинец юноши.

В эту секунду Чип растерялся и, резко схватив француженку за платье, грубо его разорвал.

— Пусть все увидят, какой ты отсюда выйдешь, — по-детски уязвился юноша и, взяв табурет у стены, с грохотом поставил его перед Жюстин, а затем сел и облокотился на колено.

— Да ты прямо Доктор Зло, — улыбнулась француженка, увидев, как тот нервно притопывает ногой. — А я ведь могла для тебя красиво раздеться. Даже станцевать.

— Все! — собрался с мыслями Чип, вспомнив о пункте правил для особо гордых нимф. — Я запрещаю тебе говорить!

«Te voilà pris (Вот и попался)», — довольно подумала Жюстин, понимая, что в этой игре повела.

— Одно слово, Чипи… Если я замолчу, то ты уже проиграл. — Она жестом показала, что закрыла рот на замок, и, ехидно моргнув, улыбнулась.

Несмотря на холод, на лице Чипа проступал пот. Взгляд его нехотя лип к ухмылке француженки, а сам он хотел лишь одного: встать и спрятаться у нее за спиной. Продолжать морально давить эту шлюху, только чтобы она на него не смотрела. Но открытые через порванное платье, манящие островки обнаженного тела упорно не отпускали, магнитом тянули к ней. Он как мог пытался сопротивляться этой чарующей сексуальности, вернуться к своей роли, даже закрыл глаза, но когда открыл, увидел лишь похотливое облизывание губ. Губ, что открыто приглашали юношу вставить член между ними.

Да, он читал все эти форумы, все эти ублюдочные манифесты о доминации альфа-самцов, о ебучей власти, что может быть только в руках мужчины, учился давить, но не знал… не знал, как поступить, когда добыча не боялась. А Жюстин точно не боялась. Чип понимал, что может взять ее тело, может овладеть им как хочет, но теперь не знал для чего, ведь он больше не способен ощущать себя богом, он не может сломить ее дух.

Француженка лисьим взглядом прошлась по его напряженному телу, заглянула в его озадаченное лицо и, медленно выставив руки вперед, встала на четвереньки. Изящно прогнув спину, она с грацией кошки подползла ближе и, резко разведя юноше колени, жалобно посмотрела в голубые глаза.

Вся ее поза, вся ее мимика и жесты сейчас сводили Чипа с ума. Юноша не мог глотать, закусывал губу, а член… член яростно впивался в трусы и зудел от невыносимого желания познать эту мало кому доступную плоть. Он чувствовал, как ее острый нос трется о дрожащее бедро, как он, касаясь штанов, поднимается выше, как ее зубы прикусывают молнию на ширинке, как плавно они расстегивают ее.

«Voilà ce qu'est le pouvoir, Chippy. Le voilà (Вот что такое власть, Чипи. Вот она)», — нежно облизала губы француженка и, сдернув с юноши штаны, оголила его стоящий во весь рост член. Мягко опустила на него пальцы и, заметив, как юноша дернулся, ласково отвела крайнюю плоть.

От этих приятных ощущений внутри Чипа бушевала настоящая вьюга. Она сметала всю его иллюзорную власть, кромсала острыми, как бритва, снежинками самомнение и на глазах превращала в раба. Юноша пытался бороться, но от каждого поглаживания твердой головки все сильнее терял контроль, и только извращенное сознание не давало полностью лишиться его. Мешало целиком утонуть в возбуждении, ведь для оргазма ему не хватало одного: ощущения, что рядом не человек, а кукла… сраная кукла, которая барахтается в паутине сломанной им психики.

— Я хочу слышать, — с тяжелым дыханием выдавил из себя Чип. — Скажи, что ты шлюха… — Он сморщил лицо от касания пальца, что гладил край отверстия его оголенной плоти. — Признайся, кто ты на самом деле.

Жюстин понимала, что не просто должна, а обязана довершить начатое, сказать это гребаное слово, ведь он уже проиграл, он просит ее говорить. Но гордость, эта темная госпожа, которая сидела глубоко внутри и дергала за ниточки самолюбия, упорно не давала. Отчаянно впивалась когтями в душу, ворошила прошлое и ненавязчиво напоминала, кто она и как стала такой. Слезно просила повторить триумфальный поступок, отгрызть яйца и этой скотине тоже. Но маленький огонек, что блуждал по лабиринтам внутренней тьмы, не давал и указывал на единственный верный, правда, не для нее, а для тех, кого она хочет спасти, путь. Путь тонкой борьбы и сексуальной власти, путь, что не позволит ему говорить.

— Ну а кто я, Чипи? — Француженка нежно прикусила его крайнюю плоть и исподлобья заглянула в голубые глаза. — Не просто шлюха… — Она привстала и поднесла губы к уху юноши. — Я готовая на все шлюха.

Слова Жюстин моментально окутали разум Чипа сладким дурманом, заставляли представлять, что с ней делали другие, как они жестко трахали эту стерву, как он будет трахать ее… И юноша застонал. Бесконтрольные выделения буквально сочились из его головки, а лихора-

дившее сердце ощущение, что их уже слизывает эта пугающая всех госпожа, и вовсе перерастало в крик.

Через мгновение толстый член юноши уже скользил по влажным губам француженки, терся о них, проникал в ее рот и, упираясь в горячую щеку, выходил обратно, выходил прочь. Жюстин не брезговала этой плотью, ей даже казалось, что она приятна, нежна. Иногда она забывалась, заглатывала по горло, но каждый раз, вспоминая, что никакая не шлюха, сбавляла темп, вынуждала Чипа просить продолжать.

Жюстин четко знала, что делает, куда ведет свою игру, ведь она должна не только заставить юношу забыться, а полностью растворить в похоти его эго и превратить в раба. В послушного пса, который сделает все, чтобы прикоснуться к этому манящему соблазну. К этой сладкой прикормке, перед которой не устоит никто… Ни одна душа, что может видеть и ощущать.

Француженка медленно поднялась с колен и, сорвав с себя платье, кинула его в угол, а затем властно встала напротив Чипа. Взгляд юноши снова прилип к ее рельефному телу, и теперь он уже не просто хотел, а всем сердцем желал упасть перед ней на колени. Прильнуть языком к ее напряженным бедрам, ласкать эту гладкую кожу, впиваться губами в манящее красотой лоно.

— Иди сюда, мой хороший. — Жюстин расставила ноги в стороны и слегка их согнула. — Попробуй то, что не дано никому…

Умело манипулируя слабостями, француженка поманила Чипа пальцем, заставляя его чувствовать себя особенным, избранным, которому дозволено вкусить то, что недоступно другим.

— Никому, кроме тебя, Чипи, — шепотом добавила она.

В эту секунду юноша не мог произнести ни слова. Как слепой крот, он послушно шел на поводу желаний «запретного плода» и, резко встав с табурета, рухнул перед Жюстин на колени, даже не понимая, что полностью теряет себя.

Руки Чипа вцепились в ее длинную ногу, а язык робко коснулся бедра, которое приятно пахло лавандой и мандарином. Целуя эту нежную кожу, он терся носом о твердые мышцы и будто вдыхал саму страсть. Член его изнывал от желания… желания, где тонуло его извращенное «я».

Ладони юноши не могли найти себе место и, мечась, гуляли по ягодицам Жюстин, спускались к изящным икрам, поглаживали внутреннюю сторону бедра. Чип чувствовал каждый изгиб ее тела, но тут рука француженки плавно отклонила его голову от себя. Заставила смутиться, поднять взгляд и с приоткрытым ртом жалобно таращиться в лисьи глаза.

Но в ответ Жюстин лишь презрительно улыбнулась и, схватив юношу за затылок, с силой уткнула в себя. Вдавила во влажное лоно и сразу ощутила, как от его жадных ласк по телу приятно прокатилась волна.

— А-а-а-а-ах… — невольно простонала она.

В этот момент Жюстин удивилась — юноша явно знал, что делал. Каждое прикосновение его губ буквально разжигало в ней необузданную страсть. Страсть, что шла вразрез с ее планами, страсть, что заставляла кричать. Она чувствовала, как Чип рисует языком многочисленные спирали, всевозможные фигуры, как наслаждается ею.

От тяжелого дыхания француженки в сознании юноши мелькали фантазии и образы пылких оргий Жюстин с другими мужчинами. Они развращали, заставляли ревновать и принуждали резко встать… навалиться на нее поцелуями.

Теряя равновесие, Жюстин с закрытыми глазами пятилась назад, искала опору и, коснувшись плечом холодного кирпича, почувствовала, как Чип грубо ее развернул. Сейчас юноша отчаянно хотел доказать француженке, что она не ошиблась, что он правда особенный, что он лучше других, и, прижав ее голову к стене, мощным рывком вошел во влагалище.

— А-а-ах! — выкрикнула Жюстин, ощутив, как растягивается ее лоно.

Она чувствовала, как по бедрам проносится похотливый ток, как сводит мышцы промежности, как все это заставляет забыть правила комнаты и выкинуть из головы ненужную ей сейчас игру. Простое желание, это сексуальное наваждение, что, как саранча, пожирает всех гостей клуба, не делало исключений ни для кого и уже вовсю правило маскарадом само. Выжигало адским пламенем человеческую суть. Ни Жюстин, ни Чип даже не понимали, что они больше не хозяева здесь…

— Тебя так ебали, шлюха? — сгорая от больной ревности, из последних сил выкрикнул Чип и резким толчком вогнал член в ее лоно. — Так тебя тут ебут? — Закрыв глаза, он буквально тонул в приятных погружениях.

В эти мгновения Жюстин терялась в жгучем желании, терялась во всем, а острая необходимость кончить пронизывала насквозь. В глубине души она понимала, что должна, обязана подыграть, но с резкой дрожью осознала, что хочет сказать это по своей воле, сама.

— Да… — горячим потоком вырвалось из ее уст. — Накажи меня за это, покажи свою власть.

Слова француженки проникали в душу Чипа невидимым ядом, они травили на корню все сорняки его извращенной сути, лишали способности говорить, оставляя после себя только зной. Зной, что раскалял на его руках незримые французские кандалы, которые он больше снять и не сможет, ведь замок на них уже расплавил порок.

Комната все сильнее наполнялась страстными стонами, дикими криками и мощными толчками Чипа, что, буквально впечатывая Жюстин в стену, заставляли ее ноги дрожать. Руки юноши крепко обхватывали талию француженки, не давали упасть, а его член скользил внутри ее лона непринужденно, приятно, легко. Он проникал как можно глубже и, выходя, углублялся вновь. Предоргазменный транс ожидаемо накрывал обоих, не позволял им даже думать — только стонать.

Руки Чипа молниеносно развернули француженку спиной к стене, а член мощно проник в нее вновь, заставил громко кричать. Жюстин ухватила рубашку юноши сзади и, порвав ее, впилась ногтями в его кожу, начала ее раздирать. Бедра француженки вздымались от все новых и новых толчков Чипа, а по телу мчался пожар, необузданное пламя, в которое их погружала сжигающая личность страсть. Взгляд Чипа не отрывался от взгляда Жюстин, казалось, они поглощали души друг друга, заставляли их танцевать… кружиться в похотливом обмане, сиять в искрах извращенной клубом любви.

Юноша этим как мог наслаждался, с каждым разом все сильнее и сильнее входил, но тут ноги его задрожали, а из члена вырвалась томившаяся в долгом плену струя. Мощным потоком она тепло ударилась в самую глубину лона француженки и начала вытекать.

Жюстин чувственно, но тихо кричала, впивалась ногтями в спину Чипа, кусала ему шею, закатывала глаза. Тело француженки лихорадило, колени подгибались, а бедра сами неслись навстречу брызгам эякулята, усиливая тем самым ее наступивший оргазм.

Мысли обоих путались, они словно тонули и цеплялись друг за друга, чтобы не захлебнуться в волнах порочной и черной любви. Последняя капля, последний стон юноши, который уже просто висел на Жюстин, возвращали француженку в реальность. В мир, который еще хоть и плыл в экстазе перед глазами, но уже вгрызался в душу и кричал ей: «Шлюха, ставшая заложницей своей же игры».

Конечно, Жюстин отдавала себе отчет в том, что у нее получилось, что она смогла этого мудака заткнуть, вывернуть его извращенную суть наизнанку и превратить в верного пса. И только то, что она потеряла контроль, сама захотела, чтобы Чип ее трахнул, шипело на сердце француженки новым порочным клеймом. Клеймом клуба Майкла, клеймом проститутки, ведь, оказывается, она среди них тут своя. Все эти мысли, как дрянное воронье, клевали ее суть, ее властное эго, ее стержень, который, выясняется, может и гнуться, и даже исчезать, когда она действует без указки, без принуждения, когда соблазняет сама…

— Вали, — оттолкнула от себя юношу Жюстин, почувствовав себя той, кем даже при Майкле не была.

Чип сделал несколько неуклюжих шагов назад и сладко уставился на француженку. Он все еще не мог прийти в себя и не понимал, что происходит, но одно знал точно — такого не испытывал никогда. Сейчас юноша был не просто благодарен ей, он был готов ее ублажать, виться, если надо, у ее ног до конца своих дней.

— Жюстин… — продолжал покорно заглядывать в глаза Чип. — Я никому не скажу. — Словно околдованный, он резво оделся и направился к выходу.

— Чипи. — Обнаженная Жюстин присела на табуретку и развела ноги. — Так кто тут власть? — склонив набок голову, холодно посмотрела она.

Но и тут юноша не понял, что проиграл, что стал для нее очередной игрушкой, стал обычным рабом. Ведь думал он совершенно иначе: что он избран и она сама… сама отдалась ему. От этого Чипу еще сильнее хотелось быть рядом, хотелось прислуживать своей госпоже, а в мыслях лишь грезить надеждой, что они обязательно насладятся друг другом еще.

Чип приятно улыбнулся, а затем потянул ручку двери на себя.

— И нимфу мне там позови. — Увидев одобрительный кивок, Жюстин отмахнулась, приказывая ему уйти.

Тусклый свет монитора в пустом кабинете отражался от зеркальных стен мрачной серостью, а на экране виднелась только одна фигура: обнаженная француженка на табурете, что, закинув ногу на ногу, обнимала себя за плечи и мерзла…

Мерзла в четырех обшарпанных пороком стенах…

Глава 4

Женская туалетная комната, облицованная сиреневым кафелем и золотистым вензельным бордюром, тут же напомнила Эмили о ее первом визите в клуб и знакомстве здесь с Мэй. Играющая на свету белая напольная плитка ярко блестела, а напротив умывальников стояли две эффектные девушки: высокая брюнетка с черными как смоль кудряшками и худая блондинка. Красное мини-платье последней идеально сочеталось с пепельными волосами, но не доходило до бедер и кое-как прикрывало упругие ягодицы.

— Ты там уснула? — Черноволосая девушка в желтом коротком платье обернулась к туалетной кабинке.

— Н-н-не спл-л-лю я… — протяжно донеслось в ответ. — Я с-с-сос-с-с-средо… — Шатенка в топе с пайетками громко икнула и, потеряв равновесие, уперлась рукой в глянцевую стенку кабинки.

— Мой гуру говорит, в таких делах торопиться нельзя… — вмешалась блондинка в красном. — Иначе позитивные вибрации вообще не найдут путь в логос. Дзенчик…

Она, опустив веки, прижала локти к бокам и сложила пальцы в мудру.

— Он ведь везде. Пусть киса его в спокойствии поймает и примет… Впитает эту энергию журчащей нирваны…

Блондинка протяжно выдохнула и, открыв глаза, резко поднесла миловидное личико к зеркалу.

— Карандашик… — Она вытянула руку, хватая пальцами воздух.

— А миллионеров она нам поймать не хочет? — Брюнетка достала из сумочки черный карандаш и, скривив лицо, протянула. — Забыла, зачем мы тут?

Эмили, стараясь не смотреть на двух девушек, прошла к свободному умывальнику и включила воду.

— Навпускали еще непонятно кого… — Брюнетка презрительно покосилась на Эмили.

— Малявка, можно вопросик? — Блондинка посмотрела в зеркало, но в отражении увидела лишь то, как Эмили продолжает умываться.

— Ау-у-у! — Брюнетка вызывающе наклонилась к ее уху.

— А? — растерянно повернулась Эмили.

— Спрашиваем, кто вас сюда запустил без браслетов? — Брюнетка уткнула руки в бока. — Самые умные, да? Ты хоть знаешь, козявка, как эти штуки достаются? — Она торжественно показала свой желтый.

«И чем тут хвалиться-то?» — искренне удивилась Эмили тому, с какой гордостью девушки заявляют о своем низком моральном статусе.

— Красные еще не готовы. Но будут у всех… у всех, кто в особом статусе клуба. — Эмили постучала мокрыми пальцами по своему запястью и закрыла воду. — Еще вопросы будут? — обиделась она. — А то мне так-то в кабинет пора.

Лицо брюнетки перекосило, будто она разом съела несколько сочных лимонов.

— Так вы не за кошельками… — сморщив нос, повернулась к зеркалу та. — Тогда не держу… — Брюнетка как могла попыталась выдать уязвленное самолюбие за победу.

«Чучело ты важное…» — подумала Эмили, но по просьбе Жюстин «не отсвечивать» в ответ лишь улыбнулась и вышла из туалетной комнаты.

В атриуме все так же слышалась приятная мелодия бамбуковой флейты, а во тьме неустанно кружили розовые лучи прожекторов. Ненавязчиво подменяя ее сладким полумраком, они словно играли гостями, создавали вокруг них романтический и раскрепощающий нарратив. Отовсюду доносились стоны, крики, и Эмили вообще казалось, что идут они не со всех сторон, а прямо из-под ног. Но даже они, даже весь этот шум толпы и ласковая музыка

не могли заглушить отчаянный плач. Громкий, умоляющий, жалостливый, он раздавался из открытой двери комнаты рядом с коридором, ведущим в специальные помещения, через который Эмили когда-то проходила наблюдать за Мэй.

«Да чего там происходит-то?» — Она оглянулась на крик и обратила внимание на охранника, что спокойно дежурил у коридора, а в ситуацию буквально у себя перед носом никак не вмешивался.

Происходящее сразу показалось Эмили странным, ведь ни на какую игру или правила комнат это похоже не было, да и дверь была настежь открыта. Поэтому, как всегда, не задумываясь, она рванула вперед — и, снова не поняв как, уже стояла в проеме открытой двери.

— Тут вс… — Она не успела договорить, как в нее врезалась бегущая босоногая девушка в бирюзовом платье и завалилась вместе с ней на пол.

Не понимая, что произошло, Эмили попыталась отвернуть голову от упавших на ее лицо бордовых кудряшек, которые мягко щекотали ноздри и знакомо пахли мускусом и ванилью.

— Я сказал, сюда пошла! — Черноволосый мужчина с турецкими чертами лица и густой бородой грубо схватил девушку за шиворот платья и со звуком рвущейся ткани потянул на себя.

Как плюшевую игрушку, он поднял ее на ноги и резко толкнул к стене.

— Ты, сука, меня еще и опозорить решила? — Владелец сети американских кондитерских магазинов ухватил девушку за шею. — В комнату, животное, или придушу на хер!

Эмили, опершись на локти, широко открыла глаза и с ужасом уставилась на дикую выходку клиента клуба. Внизу ее живота волнами отзывались воспоминания о мучительном опыте в комнате с Биллом, где они, став заложниками правил, чуть не потеряли друг друга и до сих пор не могут эту любовь вернуть. Злость на старые традиции клуба, которые она поклялась уничтожить, на все эти устои, что Жюстин обещала изменить, сейчас буквально тлела внутри Эмили грязными углями… Углями, которые она была обязана разжечь, чтобы символично спалить и, превратив к чертовой матери в золу, зарыть вместе с прахом их озабоченного создателя.

— Сэр, умоляю… — По щекам девушки текла черная тушь, а в глазах блестели розовые от света прожекторов слезы.

«Да ты чего, альфа-скунс, творишь?! Не-е-ет… Я здесь хозяйка или кто?» — Эмили, ведомая своей клятвой матери, в ярости решила проигнорировать просьбу Жюстин «не отсвечивать».

— Отцепись от нее! — поднялась она и, понимая, что ее не слышат, влепила по спине мужчины ладонью.

— Ты, блядь, еще кто? — Он резко повернулся и покосился на запястье Эмили без браслета. — Пошла на хер отсюда.

— Пож-ж-жалуйста… — Девушка слезно вцепилась в руку мужчины, что прижимала ее за шею к стене.

— Я говорю, быстро отпустил ее! — не сдавалась Эмили, заметив краем глаза идущего к ним охранника.

— Похуй, пойдешь с нами тогда. — Мужчина убрал руку с горла девушки и попытался схватить Эмили, но подоспевший охранник вовремя его оттолкнул.

— Руки, сэр… — Средних лет шатен обхватил рукоять шокера, висевшего на бедре. — Не вынуждайте…

— Да вы тут охуели все, что ли? — агрессивно заскрипел зубами мужчина, явно не ожидая такого. — Эта соплячка моя! — Он кивнул на испуганную девушку. — Или я, по-твоему, виноват, что она нарушает правила комнаты?!

Владелец сети кондитерских магазинов со злостью поправил воротник белой рубашки.

— И вообще, с каких херов ты еще и эту безбраслетную падаль защищаешь? — Он повернулся к Эмили, а затем посмотрел на охранника. — Попутал?

— Я не падаль! — надула щеки Эмили. — Я… я правая рука Жюстин! — Следуя совету француженки, она не стала раскрывать правду о себе.

— Кого? — Мужчина удивленно поднял бровь и рассмеялся. — Какая еще, блядь, рука? Я Майкла лично знаю, и такой цирк он бы тут не устроил!

— Сэр, проявите уважение.

Охранник подошел к мужчине, а Эмили шагнула к девушке.

— Ты как? — Она поправила слетевшие лямки ее платья. — Не бойся, чего случилось-то?

— Он… — Голос девушки панически дрожал. — Он с-с-сказал, просто посидим, выпьем… — Она шмыгнула носом. — Чтобы р-р-романтично было, без л-л-лишних глаз.

— А сам про правила начал, да?

Девушка тут же разревелась.

— И че? Все так делают. — Мужчина искренне удивился. — В общем, если ты и правда какая-то там рука, объясняй ей сама, что будет, если эта ссыкуха откажется.

— П-п-прошу… — Девушка ухватилась за плечи Эмили. — П-п-пожалуйста… — Она зажмурила от слез глаза. — Я н-н-ничего н-н-не знала… Не отдав-в-вайте мен-н-ня ему…

— Сопроводите гостью к выходу и распорядитесь вызвать транспорт, — не раздумывая, повернулась к охраннику Эмили. — У нас теперь другие правила.

— Слышь, мелюзга, ты ниче не путаешь? — Мужчина резко подошел к Эмили.

— Я узнаю ваши имя и фамилию, а потом закопаю вас и вашу карьеру к чертовой матери, если сейчас не уйдете, — чувствуя поддержку охранника, набралась смелости Эмили и не отступила назад. — Понимаете, о чем я? Или…

— Я хочу видеть Майкла, — тут же перебил ее мужчина и холодно посмотрел в синие глаза.

— А его сейчас нет, поэтому я и тут, — нахмурившись, играла в гляделки Эмили.

— Значит, слухи не врут… — Мужчина с подозрением сверлил ее взглядом. — Куда он пропал?

— Мистер Блэквуд на отдыхе. — Эмили решила придерживаться легенды для ФБР, ведь что говорить про Майкла, француженка не сказала. — А теперь будьте добры… — Она указала слегка дрожащей рукой в сторону бассейна.

Мужчина приблизил бородатое лицо к Эмили и захотел что-то сказать, но, заметив, как охранник потянулся за шокером, лишь фыркнул и скрылся во тьме клуба.

Чувствуя радость от такой приятной победы и первого, по-настоящему первого спасения заблудшей души, Эмили растянулась в довольной улыбке и похлопала охранника по плечу.

— Видел, да? — от переизбытка чувств вырвалось у нее. — Я теперь крутая.

— Мисс, я не спорю, но… — Охранник оглянулся на вход в коридор. — При всем уважении, я не смогу покинуть пост и проводить ее. — Он перевел взгляд на испуганную девушку, которая вся буквально тряслась.

— Можете, — вошла во вкус Эмили. — И это не просьба, — чувствуя приятную власть, добавила она.

— Но у меня приказ…

— Предупреди Хуана и скажи, теперь он у тебя новый.

— Слушаюсь, мисс. — Охранник тяжело вздохнул и, отойдя в сторону, сообщил по рации, что уходит с поста.

— Спасибо… — Девушка бросилась к Эмили и крепко ее обняла, намочив холодными слезами плечо. — Я больше… никогда-никогда сюда не вернусь.

Она сдернула с запястья желтый браслет и, вложив его в ладонь Эмили, жалобно посмотрела в понимающие синие глаза. Еще раз крепко обняв спасительницу, девушка благодарно ей кивнула и отправилась в сопровождении охранника на выход.

«И ведь это только одна, а сколько еще тут таких…» — с тревогой подумала Эмили, заметив бегущую в коридор нимфу без браслета. В черном коротком платье и босоножках на высоком каблуке та явно спешила и даже не смотрела по сторонам.

— Мими! — Эмили окликнула блондинку с торчавшими по бокам длинными хвостиками и подошла ближе. — Ты туда? — Она кивнула в сторону прохода, куда направлялась нимфа, и вложила в ее руку желтый браслет. — Можешь отнести? Там же, наверно, хранят?

— Почти… — Мими в привычной для себя манере не договорила и задумалась над тем, что сказать дальше. — Но я… я отнесу, только платье для Жюстин сначала найду.

— Так это… — удивилась Эмили. — В нем же была…

— А ей порвал кто-то. — Мими махнула в сторону дальней комнаты.

— Порвал? — Эмили вспомнила, как Жюстин заходила в комнату с юношей. — Да чего тут творится-то?

Мими растерянно пожала плечами.

— Ладно, беги, я к ней сейчас тоже схожу, — произнесла Эмили и направилась к Жюстин, попутно провожая взглядом нимфу с детскими хвостиками в темный проход.

Тусклый розовый коридор, что, петляя, вел Мими в рабочий гардероб Жюстин, пугал своей тишиной и давил узкими стенами. После долгих месяцев в клетке она никак не могла перестать бояться тесных пространств, хотя и понимала, что тут ей ничего не грозит. Еще раз посмотрев на листочек со схемой пути, который в спешке нарисовала француженка, Мими обернулась на шум сзади, но, списав это на свои страхи, продолжила идти вперед, пока не увидела стальную дверь.

Введя цифровой код, она осторожно зашла внутрь, но, так и не найдя, как включить свет, оставила дверь открытой. Розовый неон, что проникал из коридора в помещение, выглядел блеклым и лишь выделял контуры массивных шкафов и вешалок на колесиках. Мими они даже показались небезопасными, ведь по основанию каркаса торчали острые штыри для головных уборов и сумочек.

Сейчас девушка искренне хотела выполнить просьбу Жюстин как можно быстрее и как можно качественнее, потому что именно она помогла ей… дала новый шанс, дала долгожданный мир без прутьев над головой и страха, что ее рано или поздно убьют. Открыв первый попавшийся шкаф, нимфа попыталась выбрать подходящее платье, но в темноте разглядеть ничего не смогла. Поэтому, решив взять сразу несколько вещей, Мими без задней мысли надела мешавший желтый браслет на запястье и принялась за дело.

«Тра-а-авка расте-е-ет, солнышко пое-е-ет». — Развешивая на руке платья, она напевала про себя песенку, которую ей в детстве пела мама, и вдруг вздрогнула. Услышала громкие голоса.

— Слышь, а точно тут элитное мясо? — Звонкий мужской голос моментально опустил сердце Мими в пятки — она поняла, что это не охранники. Не свои.

— Ты же видел, какая соска сюда заскочила… — послышался второй, противный, гнусавый. — Но я бы, конечно, лучше той вдул.

— Мелкой? — Рыжеволосый юноша в синей кофте с торчащим белым воротничком рубашки оглянулся назад.

— Засадил бы ей по самые гланды… — Парень с взъерошенными русыми волосами показал, как сношается с воздухом. — И ебал бы, пока хер не стер.

— Давай только по-быстрому, а то я че-то очкую. Вдруг сюда вообще нельзя?

— Да че ты ссышь? Батя твой не спалит. — Гнусавый парень похлопал его по спине. — Ваще заебись, что ты спиздил браслеты, а то заебался клофелин на тусах подсыпать. Охота

ведь, чтобы кричала. Понимаешь? — Он увидел открытую дверь и с улыбкой показал на нее рукой. — Слышать я этих мандовошек хочу. Слышать…

— Мне че-то тоже не зашло. Как с матрасом ебешься… — Рыжий, глядя на открытую дверь, улыбнулся во весь рот и одобрительно кивнул. — За призом?

Мими, увидев пугающую тень руки, что уродливо тянулась внутрь через открытую дверь, быстро побежала ее закрывать, но, неуклюже зацепившись за штырь вешалки на колесиках, упала и уронила всю одежду Жюстин.

— Ты тут в порядке, красавица? — В комнату зашел гнусавый и посветил фонариком смартфона в голубые глаза Мими, вынуждая ее прикрыть их ладонью.

— С-с-спасибо, все хорошо. — Та быстро поднялась и начала заново вешать на руку платья, пытаясь спрятать под ними желтый браслет. — Я уже ухожу.

— А кто тебя отпустит, детка? — Гнусавый подошел ближе. — Покажи-ка? — Он схватил Мими за запястье и, заметив желтый браслет, мерзко улыбнулся. — Желтых ебем? — С нескрываемой радостью парень повернулся к рыжему.

— Да всех, у кого не наши, вроде. — Тот вспомнил разговоры отца и дяди в кругу друзей про браслеты, а затем покрутил свой белый.

— Стойте. — Мими попятилась назад. — Желтых ведь нельзя просто так… — Она на глазах теряла дар речи. — Вы новенькие?

— Так ты только что согласилась. — Гнусавый сделал шаг к пятившейся Мими и оглянулся на рыжего. — Ты же слышал? Подтвердишь?

— Слово белых против шлюхи? — заулыбался в ответ рыжий. — Давай распечатаем эту сучку.

— Постой на стреме, — кивнул гнусавый другу. — Потом поменяемся, — оскалился в улыбке он.

Рыжий радостно послал воздушный поцелуй дрожащей девушке и, выйдя за дверь, облокотился на нее.

— Сама дашь или… — Не договорив, гнусавый, как зверь, набросился на Мими и прижал напуганную нимфу к стене.

Сердце ее сейчас было готово выскочить из груди, ноги не слушались, а в нос била резкая вонь изо рта напротив. Мими отчаянно ухватилась за плечи парня и попыталась вырваться, но, получив звонкую пощечину, скатилась по стене на ягодицы и зарыдала.

— Не надо… — Мими, конечно, хотела сказать больше, но особенность ее психики не давала. После всех пережитых мук в подвале она просто не могла говорить внятно, когда сильно боялась или волновалась.

— Значит, поиграем… — Гнусавый нетерпеливо расстегнул ширинку и попытался запихнуть свой сморщенный член в рот Мими, но та уклонилась и, укусив его за бедро, поползла к выходу.

Тусклые лабиринты коридора казались Хуану уже родными. Даже закрыв глаза, тот с легкостью мог найти нужную дорогу и нужную дверь. В очередной раз почесав пальцами свои пышные кудри, мексиканец вновь поднес рацию ко рту.

— Посади в машину, раз сказала, — подтвердил он охраннику инструкции Эмили.

Хуан никогда не отличался навязчивой паранойей, но свои обязанности по защите клуба всегда исполнял безупречно. И в этот раз он не остался на входе, а машинально пошел проверять коридор, ведь времени прошло немало, и туда кто угодно мог случайно забрести. Конечно, ситуация с покинутым постом у него вообще не вызывала восторга, особенно теперь, когда он, как никто другой, видел положение клуба, подслушивая, что говорят. Но и злиться на Эмили не хотел тоже, да и, если честно, не мог. Сейчас Хуан чувствовал себя простым человеком. Человеком, который поклялся защитить Жюстин, а если уж та выбрала своим долгом оберегать синеглазую девочку, то и для него она становится автоматически неприкосновенной. Семьей.

В это время яркий свет от фонарика смартфона, что валялся рядом, врезался лучами в борьбу. Нимфа с хвостиками, лежа на спине, отчаянно сопротивлялась парню, стараясь сохранить свою, хоть и до этого уже неоднократно поруганную, честь. Мими хотела кричать, но не могла и только пищала, пытаясь кусать руки насильника, что больно прижимали ее к полу.

— Щас, девочка, щас… — Он сорвал с Мими трусики. — А ты давай покричи…

Гнусавый пытался раздвинуть ей ноги.

— Кричи, я сказал! — Он ударил нимфу по лицу и прижался членом к ее бедрам, но та в аффекте отползла назад и что есть мочи зажала его вялую плоть между коленями.

— А-а-а-а-а! — Парень заорал на всю комнату и, скатившись с Мими, скрючился на полу, шевеля ножками.

«¿Qué carajos? (Какого хера?)» — услышал вопль Хуан и тут же на него помчался.

В эту секунду Мими, не чувствуя на себе веса насильника, спотыкаясь, подскочила к двери и попыталась ее открыть — неистово билась в нее, ударяла плечом, но та не поддавалась, ведь рыжий крепко держал дверь с другой стороны.

— Не выпускай ее! — Морщась от боли, гнусавый поднялся с пола и снова бросился на Мими.

Та его как могла отталкивала, крутила головой, уворачивалась от поцелуев, но парень, прижав ее к косяку, все же смог проникнуть языком в ее рот и в очередной раз попробовал войти в девушку. Но Мими и тут не сдалась: прикусив ему язык, она вновь попыталась вырваться и в итоге с грохотом завалилась вместе с насильником на упавшую незадолго до этого вешалку.

В эти мгновения Хуан уже завернул за угол и, заметив, как рыжий удерживает дверь, моментально к нему подбежал. С хрустом заломив парню руку, мексиканец сразу заволок его в комнату.

Свет от телефона на полу игриво блестел на брызгах свежей крови, что буквально усыпали все лицо и одежду Мими. Нимфа испуганно сидела рядом с мертвым телом и дрожала, как на морозе, сжимая в руке свои трусики. Из виноватых глаз девушки лилась соленая от боли вода, а в мыслях не было ничего. Ничего, кроме песенки, которую ей пела мама.

Мексиканец спокойно покосился на труп, на торчащий из его шеи металлический штырь и все понял, а затем без каких-либо эмоций закрыл за собой дверь.

— Ты че, манда, сд… — увидев мертвого друга, истерично завизжал рыжий, но Хуан это тут же прервал. Свернул ему шею и отбросил, как ненужную куклу, в сторону.

— Посторожишь? — Он задумчиво почесал затылок. — К Жюстин теперь, наверное, схожу…

— П-п-п-платье, — еле выдавила из себя Мими, показав трясущейся рукой на разбросанные по полу вещи.

— Захватить?

Мими жалобно свела брови и несколько раз кивнула.

— Ну ладно. — Хуан пожал плечами и, взяв охапку платьев, как ни в чем не бывало отправился на выход.

— В д-д-десятой, — с новым усилием произнесла нимфа вслед Хуану.

Тот обернулся и, сделав несколько шагов к выключателю, зажег свет. Кивнув Мими, он закинул на плечо вещи и вышел, закрыв за собой дверь.

Тусклый свет от прожектора, прилипая к спине француженки, старался хоть как-то согреть ее холодную спину, но облезлые стены, что только одним своим видом усиливали прохладу в мрачной комнате, сводили на нет все попытки Жюстин согреться.

— Да все хорошо, подруга. — Она, поежившись, посмотрела на Эмили.

— Это ведь вообще не наш план так-то. — Та подняла с пола разорванную одежду и укрыла ею плечи Жюстин. — Ленточки одни… — Она двумя пальцами подняла лоскут ткани.

— Перестань, бывает… — Жюстин старательно делала вид, что все под контролем.

— А если они и дальше так… — Эмили подошла к прожектору и, скребя им по полу, подтащила ближе к француженке. — …делать будут?

— Не будут… — Жюстин задумалась, понимая, что мягких способов влияния на нимф, скорее всего, нет. — Справимся, — убеждала она себя.

— Просто там еще… — Эмили хотела рассказать, что произошло у комнаты, но ее прервала резко открывшаяся дверь.

— Ой… — Увидев обнаженную Жюстин, мексиканец тут же закрыл рукой глаза и засмущался.

— Хуанито, какого хрена?! — стыдливо попыталась прикрыться Жюстин. — Постучал бы, что ли?

— Да там это… — Он, не открывая глаз, аккуратно положил платья ей на колени.

— А где Мими? — влезла Эмили, придерживая сползавшие с колен француженки вещи.

— Так я и говорю… — Хуан сделал шаг назад. — Трупы охраняет, — спокойно продолжил он.

В комнате воцарилась могильная тишина.

— Какие еще, блядь, трупы, Хуанито? — уставившись на него, собралась с мыслями Жюстин.

— Ну, там лежат… — Он большим пальцем указал в сторону подсобки.

В этот момент руки Эмили повисли как плети, а по телу пробежала неприятная дрожь.

— Ты… — От шока француженка даже не могла пошевелиться. — Ты серьезно сейчас?

Хуан медленно кивнул и, искренне не понимая такой реакции, почесал кудрявую макушку.

— И как это у нас произошло, Хуанито? — Француженка, прикрывая наготу платьями, медленно встала. — Как, я тебя, дурень усатый, спрашиваю?! Как?!

После краткого рассказа мексиканца Эмили и вовсе стало не по себе. Она прекрасно отдавала себе отчет, что если бы не увела охранника с прохода и не дала Мими злополучный браслет, такого бы никогда не случилось. Эта обида сейчас, словно бешеный зверь, раздирала всю недавнюю гордость повелительницы клуба и превращалась в обычные слезы. Слезы, которые она с трудом, но пока еще могла в себе удержать.

— Двадцать минут… — Жюстин быстро надела первое попавшееся черное платье. — Меня не было двадцать минут, а вы что оба тут устроили? — Она посмотрела на опустивших глаза Эмили и Хуана. — Обиженный извращенец и два, мать вашу, трупа!

Внутри Жюстин вовсю бушевала злоба. Черными крыльями она будоражила душу и, затмевая весь свет, острыми когтями впивалась в эго. Разрывая его на кровавые ошметки, это чувство не просто бередило рану, а заставляло ее гореть, как от рассыпанной соли. Все ее усилия для сохранения порядка в клубе, ее жертва с Чипом, да и весь ее мир сейчас на глазах превращались в обычную грязь. В хлюпающую под безответственностью других скользкую жижу, от которой она даже не знала, как теперь отмываться.

— Ну один не мой, — пробубнил в ответ Хуан.

— Так это же все меняет, Хуанито. Сразу бы и сказал! Раз один не твой, теперь вместо Афродиты тебе в атриуме памятник поставим! — Жюстин подошла к нему и схватила за плечи. — Если мы еще недавно были в жопе, то теперь мы в жопе со слоновьей клизмой. Понимаешь, о чем я?

— Я бы так не раздувал размеры, но да, надо проверить, кто это. Я таких тут не видел раньше.

В эту минуту француженка из последних сил сдерживалась, чтобы не сорваться и не утратить и так летящую в пропасть светлую мечту об идеальном клубе. С трудом, но все же

вернув холодный ум и отбросив в сторону навязчивый гнев, Жюстин неосознанно начала возвращать себя к той, кем она и была при Майкле. К маске пугающей всех королевы.

— Ладно, идем. — Она холодно подошла к двери. — По дороге улыбаемся и машем. Oui? — Жюстин, подняв бровь, посмотрела на виновато кивнувшую пару и первая вышла из комнаты.

Белый свет потолочных ламп ярко блестел в луже алой крови, которая в глазах Мими выглядела целым озером. Нимфа с хвостиками, забившись в углу, пыталась не смотреть на все эти ужасы, что ее окружали. С закрытыми глазами она сидела на полу, обняв колени, и стучалась в них головой. Больше всего Мими боялась не того, что совершила, случайно лишив жизни насильника, а того, что ее снова посадят в клетку или отдадут на растерзание родственникам этих тварей.

— Ох ты ж… — открыла дверь Жюстин и, сморщив лицо, прошла внутрь. — Да он вытек весь. — Она обернулась к мексиканцу. — Тряпочку хоть бы подстелил, Хуанито. — По дороге успокоившись и полностью вернув себе ясный ум, француженка уверенно становилась собой.

— Мими! — Эмили сразу же бросилась к нимфе и, увидев торчащий штырь из шеи парня, в рвотном позыве прикрыла рот рукой.

— Накрой их, что ли. — Жюстин кивнула Хуану и походкой от бедра подошла к напуганной нимфе. — По моим стопам, смотрю, идешь. — Она похлопала Мими по плечу.

Та в ответ лишь испуганно уставилась на француженку и растерянно заморгала.

— Мими, ты прости меня, ладно? — Эмили ее искренне обняла. — Я же правда не хотела. — Она виновато уткнулась носом в плечо девушки.

— Вы меня не накажете? — выглядывая из-за головы Эмили, дрожала та.

— За что? Я так же, например, делала, — произнесла Жюстин и посмотрела, как Хуан накрывает последний труп ее вещами. — Ты защищалась, а они просто дерьмо. Дерьмо, которое теперь пойдет на пользу, ведь без таких удобрений мир не станет чище и краше. Не будет он цвести, Мими, понимаешь?

Нимфа с хвостиками от такой философии просто разревелась и уткнулась в плечо Эмили носом.

— Ладно, посопливьте. — Жюстин подошла к мексиканцу. — Просканировал чипы?

— Браслеты Эдисонов… — Хуан посмотрел в планшет. — Рыжий — его сын. А второй… — Он пожал плечами.

— Так это отличная новость, Хуанито! — радостно топнула туфлей француженка. — Ведь мы бы их не пустили? Проверили бы?

— Вместо Луиса новенький был. — Хуан виновато посмотрел в пол. — Прости.

— Да родня-то их, дурень пустоголовый, этого не знает! — по-сестрински взлохматила ему макушку Жюстин. — Дошло?

Хуан поднял голову и расплылся в красивой улыбке.

— Тогда в морозилку и замуруем потом? — оживился он. — В подвалах стены заодно обновим?

— Призраков не будет? — подняла бровь француженка.

— Могу крест рядом прибить, — уткнул руки в бока Хуан.

— Нет, да вы точно больные! — Эмили встала и обернулась к Жюстин и Хуану. — Это же люди! Мертвые люди! Это не куски мяса какие-то! Как вы вообще спокойно об этом говорить можете?

— Ну не мы, знаешь ли, поджигаем тут всех бегаем, да девочек бедных потом подставляем. Мы, подруга, подчищаем за тем, кто так делает, поэтому давай прекращай сантименты свои, — справедливо, как ей показалось, уточнила Жюстин и повернулась к Хуану. — Закинем в морозилку, как все уйдут, а там разберешься.

Хуан одобрительно кивнул, а вот Эмили от логичности слов француженки стало еще обиднее и больнее, ведь та, по ощущениям, была во всем права. «Блин, снова все испортила… Как кукушка какая-то, себя веду…» — с грустью подумала она и виновато посмотрела на нимфу.

— И, Мими… — Жюстин подошла и присела рядом на колено.

— Да, — испуганно замерла та, чувствуя, что сейчас и решится ее судьба.

Француженка, конечно, прекрасно понимала, через что прошла эта девочка, она чувствовала ее боль как свою. Видела в ней желание не просто жить, а выживать во что бы то ни стало. Да и оставлять свидетеля, хоть и с такими особенностями речи, среди клиентов и нимф она просто так не могла. Это был риск.

— Назначаю тебя правой рукой Хуана — и теперь ни на шаг от него. — Жюстин покосилась на мексиканца.

— Меня? — искренне не понимала, что происходит, Мими.

Жюстин, кивая, похлопала ее по плечу, а затем подошла к двери.

— Мими. — Она остановилась и обернулась. — Спасибо за платья. Выручила меня.

— Но я… — Нимфа пыталась продолжить фразу, но у нее снова не получилось.

Лишь с благодарностью в блестящих от влаги глазах она посмотрела в ответ и громко расплакалась. Ведь от таких теплых слов ей уже даже не хотелось напевать в голове песенку…

Мелодия бамбуковой флейты в атриуме привычно ласкала уши, а розовые лучи прожекторов подменяли полумраком тьму. Жюстин и Эмили как ни в чем не бывало улыбались извращенным гостям клуба и уверенно шли в кабинет.

Вокруг царила непринужденная атмосфера разврата — и только в тени будто громче шептались люди. Кто-то даже сказал: «Блэквуд мертв…»

Глава 5

Ноябрьское солнце до сих пор томилось в плену мрачного неба и полностью скрывалось за свинцовыми тучами. Челси Перкинс, протяжно зевнув, посмотрела на часы приборной панели рабочего шевроле. «Только одиннадцать…» — подумала она, потирая красные от недосыпа глаза, и, заглушив мотор, вышла из машины.

Подняв воротник черного драпового пальто, Челси привычно осмотрелась. Верхушки небоскребов таинственно прятались за плотным туманом, а в окнах фасадов отражалась унылая серость, которая словно наблюдала, как по мокрой дороге шипят резиной снующие туда-сюда автомобили. Легкий ветерок смешивался с мелкими каплями дождя и неприятно задувал их в лицо, так и норовил испортить Челси тщательно уложенную стрижку — короткую пикси с косой челкой. Опустив голову, она спрятала руки в карманы и, ссутулившись, побрела к кофейне, откуда вовсю доносился согревающий аромат свежемолотых зерен.

Прозвенев дверным колокольчиком, Челси зашла внутрь и сразу направилась к стойке заказов. За круглыми деревянными столиками сидели немногочисленные посетители, а через панорамные окна, забрызганные моросящим дождем, пробивалась уличная тоска. На стенах из аутентичного красного кирпича висели черно-белые постеры Нью-Йорка, фотографии американских актеров и актрис эпохи шестидесятых, а по периметру из массивных горшков торчали растения. Все это создавало особую атмосферу городского уюта, тепла и своего рода отстраненности… Убежища от мира вокруг. Но агент Перкинс ничего подобного не ощущала, сейчас ей хотелось банально выспаться и побыстрее закончить дело. Дело, после которого она сможет перейти на работу в офис и наконец-то пожить без вечных метаний по Штатам в поисках очередных преступников.

— Добрый день, мэм, — ярко улыбнулся Сэм вставшей напротив женщине. — У нас сегодня просто божественный латте!

— Мне чтобы не спать. — Прищурив глаза, Челси вгляделась в черную доску и винтажные надписи на ней мелом. — Самое крепкое.

— А давайте на пенке нарисуем? — продолжал улыбаться бариста. — Хорошее настроение отлично помогает бороться со сном. Могу смайлик или сердечко. Любой узор могу.

— Без всего. — Она достала смартфон и уставилась в него.

— Может, передумаете? Я ведь и правда классно рисую, — не унимался Сэм, заваривая кофе.

— Слушай, да просто сделай, хорошо? — Челси исподлобья посмотрела на баристу змеиным взглядом. — И туда принеси. — Она кивнула на свободный столик, а затем направилась к нему.

Сэм хоть и немного обиделся, но все же улыбнулся, провожая заботливым взглядом, как ему показалось, несчастную женщину, которой, правда, очень шли ее замшевые ботильоны на резиновом каблуке, и продолжил выполнять заказ.

Почувствовав идущую от окна прохладу, Челси устроилась за столиком рядом. Повторив вызов контакта, что был единственным в ее списке звонков, она оперлась лицом на руку и задумчиво уставилась в искаженную влагой на стекле серость мегаполиса.

— Я на месте, — высматривая цель своего визита в размытых огоньках здания напротив, зевнула Челси. — Как у тебя?

— А у меня тут магия. — Мэтт, перебирая ногами в кресле, откатился к кулеру.

Его рабочее место не выглядело каким-то особенным и, как у других коллег, по документам называлось «аналитическим терминалом». Напротив стоял стол с изогнутыми ножками, который был завален учебной литературой Челси и сейчас пустовал. Над головой гудела лампа, а за перегородкой слева слышался уже родной Мэтту хруст орешков, справа же — испанская

речь агента Мартинес, приятной девушки, что курировала борьбу с бандами из Мексики и Латинской Америки.

— Нарыл я тут один активчик. — Он налил в кружку воды и откатился обратно к столу. — Некий клуб… — Сделав глоток, Мэтт воткнул в зубы карандаш и, кусая его, посмотрел на экран монитора. — «Грезы Афродиты» называется.

— Да перестань ты жевать, все ручки погрыз уже. — Челси на автомате кивнула подошедшему Сэму и взяла у него стаканчик с кофе. — Что за клуб? — Почувствовав приятное тепло, она поставила напиток рядом и продолжила смотреть на офис журнала «Девичьи секреты».

— А вот хрен его знает. — Мэтт еще раз открыл пустой файл с информацией о клубе. — В базе о нем ни слова.

— Такое вообще бывает? — Челси отпила кофе и, закрыв глаза, ощутила, как по горлу протекает горячий напиток. — Может, сбой? — по привычке сразу вытерла губы она.

— Да я и в айти уже звонил, не могут объяснить. — Мэтт недоверчиво осмотрелся по сторонам. — Понимаешь, тут ничего, ни счетов, ни адресов, только название и владелец. Все.

— А в кадастре, в юстиции?

— Туда и поеду сейчас. — Мэтт встал с кресла и резво накинул пальто. — А у тебя что с голосом? — Он обратил внимание на ее похоронный тон.

— Давай просто закроем дело побыстрее, хорошо? — Челси встала из-за стола и, взяв стаканчик, направилась к выходу.

— Может, психолога навестишь? — понимая, что коллега действительно устала от такой работы, искренне спросил Мэтт. — Но я тебе и так могу сказать его диагноз — недотрах. — Он от чистого сердца пытался поднять настроение коллеге. — Все дело в нем, вот посмотри на меня!

— Слушай, иди в задницу, а? — Челси открыла плечом дверь кофейни и, почувствовав резкий холод, вышла на улицу, оставляя звон колокольчика за спиной.

— Завидуешь? — с улыбкой продолжил Мэтт, спускаясь к выходу из офиса ФБР. — Фотку выслать?

— Все, отвали, давай работать.

Челси, нахмурившись, завершила вызов, но через несколько секунд расплылась в детской улыбке: на смартфоне отображалось лицо Мэтта, приближенное вплотную к камере. Оно смешило сведенными к носу глазами и раздутыми, как у хомяка, щеками, ласково напоминало, что у нее есть надежный тыл. Прикрытая во всех смыслах спина.

После пробежки сквозь моросящий дождь, что противно скользил по лицу. После нудного ожидания светофора, где на ледяном ветру она не смогла согреться даже горячим кофе. После утомительного подъема по лестнице из-за сломанного лифта — Челси наконец оказалась на пороге редакции журнала. Выкинув пустой стаканчик в урну, она открыла дверь и прошла внутрь.

Раздражающий гул голосов и громкий стук клавиш, которыми, казалось, ударяли не по клавиатуре, а по ее сонному мозгу, сейчас буквально добивали и без того хмурое настроение Челси. Опустив руки в карманы, она подошла к первому на пути столу. Приятный свет желтых ламп, что создавал хоть какой-то уют, мягко ложился на ее сутулые плечи и разбавлял давящий вид свинцового неба вперемешку с унылым дождем в окне напротив.

— Челси Перкинс, ФБР. — Она показала свой значок, моментально заткнув им все раздражающие звуки. — Я ищу Лукрецию Эмерсон.

— А это по какому вопросу? — В уши Челси сквозь гробовую тишину проник добивающий ее ментальное здоровье писк. — Мартиша Дэвидс, — подойдя ближе, представилась дама в очках-стрекозах.

— Свои вопросы я задам лично ей, хорошо?

Мартиша тихо фыркнула и, уязвленно поджав губы, указала рукой на дверь в конце помещения.

— Благодарю за сотрудничество. — Челси, склонив голову, наигранно улыбнулась и, чувствуя спиной косые взгляды, подошла к двери.

Громко постучав по матовому стеклу, она погладила пальцем блестящую надпись с именем и фамилией главного редактора. «Пафоса-то сколько…» — подумала Челси, понимая, что покрытие и правда золотое.

— Нет! Ну просила же! — Услышав, как всегда, раздражающий стук, Лукреция трясущейся рукой продолжила наливать в чай бальзам.

Теплый свет настольной лампы уныло падал на ее бледное лицо и, высвечивая мешки под глазами, растворялся в покрасневших глазах. Бессонная ночь в кабинете, проведенная в размышлениях о том, как похитить флешку у Эмили и тем самым спасти журнал, вкупе с жутким похмельем выливались сейчас для Лукреции в сводящую с ума головную боль.

«Я тебя точно уволю…» — зажмурив глаза, подумала она, услышав новый, еще более громкий стук.

Медленно поправив красный брючный костюм, который был насквозь прокурен, Лукреция нехотя встала и, подойдя к двери, открыла ее ключом, торчавшим в замочной скважине.

— Ты еще кто? — Она гневно нахмурила брови, но, увидев перед глазами значок, машинально отошла в сторону.

— Челси Перкинс, ФБР. — Спрятав удостоверение, та прошла в кабинет мимо растерявшейся дамы.

Небольшое мрачное помещение с одиноким островком света на блестящем от лака столе казалось с виду уютным, но отвращало запахом спирта и дорогого парфюма. Стараясь дышать через рот, Челси прошла мимо запотевшего окна, в котором не было ничего, кроме серости, и села на стул. Достав из внутреннего кармана блокнот, она на автомате подметила странности: осколки стекла на полу, закатившуюся в угол крышку от бутылки и разбросанные по столу частички пепла, которые явно выделялись среди мутных разводов после мокрой тряпки.

— Я вас, между прочим, не приглашала. — Лукреция, опустив уголки губ, недовольно подошла к своему креслу.

— Я по поводу Эмили Уайт. — Челси, пользуясь похмельным состоянием Лукреции, решила действовать методом поиска противоречий и сознательно отошла от протокола. — Она ведь еще здесь работает? — Агент Перкинс жестом попросила Лукрецию присесть.

— Работала. — Опустившись в кресло, хозяйка журнала выдвинула ящик стола и достала из пачки последнюю сигарету. — Не возражаете?

— Возражаю. — Челси, склонив голову, язвительно улыбнулась. — Вы сказали, работала? — Она сделала пометку в блокноте.

— Вчера уволилась, — нехотя убрав сигарету в пачку, задвинула ящик Лукреция.

— Не говорила почему? — Челси, мельком пролистав блокнот, убедилась, что дата на договоре Эмили совпадает со временем ее увольнения.

— Не сошлись во взглядах, — вальяжно скрестив руки, откинулась в кресле Лукреция.

— В каких?

— Хотела повышение, но его не заслужила, — сморщила нос Лукреция. — К чему эти расспросы? Что она натворила?

— Майкл Блэквуд. Это имя вам о чем-то говорит? — делая пометки карандашом, Челси исподлобья посмотрела на Лукрецию.

От этих слов по рукам хозяйки журнала тут же промчалась усиленная жутким похмельем дрожь. Лукреция прекрасно понимала, что смерть Майкла может и ее затянуть в опасную, особенно сейчас, историю. «Причем тут Блэквуд?» — с тревогой подумала она, перебирая в

голове причины такого интереса ФБР к нему и Эмили. Ведь история, что та рассказала, выглядела чисто и на следы после убийства даже не намекала.

— Нет. — Лукреция, постукивая алым ногтем по запястью, резко перевела взгляд на запотевшее окно.

— А Софи Эмерсон разве не ваша сестра? — Челси продолжала пожинать плоды бессонной ночи, в которой она, выискивая связи, раскопала всю подноготную Эмили и ее рабочего окружения.

— Софи? — невольно вздрогнула Лукреция. — Какое это имеет отношение к делу?

— Я подняла заявления на Блэквуда, и там фигурировало ваше имя, — холодно произнесла Челси. — Вы до сих пор считаете, что именно он убил вашу сестру?

— Слушайте, заявления у меня не приняли и вообще сказали заткнуться. — Увиливая от вопроса, Лукреция авторитарно встала и, опершись на стол, наклонилась к Челси. — Может, вы у себя сначала там разберетесь? Откуда мне знать, что вы не по его заказу пришли? — Она пыталась солгать как можно убедительнее. — Вас он тоже подкупил?

— Это серьезные обвинения, мэм, — удивленно подняла брови Челси, сделав слепую пометку на бумаге. — Вы хотите сказать, что Блэквуд вам угрожал, а полиция его покрывала?

— Я хочу сказать, что вам не верю, вот и все.

— Тогда объясните мне, как же так получилось, что единственная, по ее словам, дочь Майкла Блэквуда работала именно у вас? — Теперь уже Челси наклонилась к Лукреции. — У человека, который прямо обвинял его в убийстве сестры. И самое интересное, почему он пропал как раз перед увольнением Эмили? Совпадение?

К горлу Лукреции подкатил горький ком, а внутри бушевало настоящее цунами. Волны бурлящего страха от попыток втянуть ее в то, чего она не совершала, вперемешку с непонятным обманом Эмили открывали ей теперь совсем другую картину и наконец хоть как-то объясняли настойчивый отказ девчонки писать статью.

— Подождите, подождите… Дочь? — Лукреция от неожиданности широко раскрыла глаза. — И вы думаете…

— Думаю, что у вас был мотив, — зацепилась за новую ниточку Челси, хотя и не верила в правдивость рассказа Эмили.

— Да вы в своем уме?! — Лукреция резко выпрямилась. — Я понятия не имею ни о нем, ни об Эмили этой вашей! Все ее статьи на сайте — о пирогах она писала, о пирогах!

Не выдержав, хозяйка журнала схватила кружку с бальзамом и чаем и осушила ее до дна.

— Я ведь правда с ней почти не общалась… — Притворяясь, что верит Челси, она медленно опустилась в кресло. — И понятия даже не имела… не знала про дочь.

Челси, конечно, понимала, что Лукреция не договаривает, но и дожимать ее было нечем. Единственное, что не давало покоя и не укладывалось во всю логику, так это то, что дама про дочь, скорее всего, и правда не знала. А если и врала, то делала это весьма убедительно, что выглядело странно, ведь до этого она сыпалась, как на диктанте двоечник. Эта пока непонятная связь еще сильнее напрягала и без того уставший мозг Челси, поэтому она решила действовать от противного и по-другому проверить причастность Лукреции ко всем событиям.

— Мне нужен ее адрес, — моментально сменила тему Челси.

— А вы разве не разговаривали? — Сохраняя самообладание, Лукреция профессионально пыталась собрать как можно больше информации для своей же защиты.

— Я не про Ривер-Касл. — Рисуя рожицу в блокноте, Челси сделала вид, что забылась.

— А она там? — еще больше удивилась Лукреция, не понимая, что проговорилась.

Челси, уставившись в блокнот, незаметно улыбнулась и сделала пометку.

— Он по документам ей теперь принадлежит, — постучала карандашом по блокноту Челси.

«Вот это я сильно недооценила тебя, Уайт…» — подумала Лукреция, до конца собрав пазл действий и поведения Эмили.

— Поэтому если вы действительно ни при чем, помогите следствию, скажите адрес.

— Даже так? — побоявшись, что ФБР найдет записи Эмили об их совместном расследовании против клуба, постучала ногтями по столу Лукреция.

— Пока да, но могу с ордером и спецназом приехать. — Челси встала со стула, решив ускорить допрос. — Опечатаем редакцию, журналисты набегут. Наверное, вскроется, что вы банкрот. — Она кивнула в сторону двери. — Сотрудники же не знают?

Алые ногти Лукреции моментально впились в ледяные ладони, и казалось, от ярости они сейчас проткнут кожу, но усугублять свое положение хозяйка журнала не то что не хотела, просто не могла. Похмельный мозг уже не справлялся с давлением, плыл в информационном угаре, но с последней волей, закаленной долгим опытом, там, где все бы увидели поражение, она увидела шанс. Шанс написать статью с разоблачением и обеспечить себе благую славу, которая не только спасет журнал, но и переключит все усилия ФБР с нее на самого Майкла и его порочный клуб. Да даже на новую хозяйку, ведь после спасения своего детища прошлая связь с Эмили уже будет оправдана и списана на тонкий, в интересах правосудия, расчет. От нагрянувшей радости Лукреция взбодрилась и, быстро найдя в списке вызовов контакт Эмили, вывела его на экран смартфона, а затем без задней мысли показала адрес.

«Ну вот и связь, — довольно подумала Челси, увидев время последнего разговора с Эмили. — И о чем вы, курочки, сегодня ночью кудахтали?»

— Благодарю за сотрудничество, мэм, — сменила интонацию Челси, решив, что ответы пока лучше поискать в квартире Эмили. — Если что-то вспомните, мы обязательно это учтем. — Она лисьим взглядом посмотрела в красные глаза привставшей Лукреции и вложила ей в руку визитку.

— Мне больше нечего добавить. — Та бросила визитку на стол и указала на дверь, а затем, проводив Челси взглядом, рухнула в кресло.

«Дочь… А что будет делать дочь, если я все расскажу?» — вскинув бровь, подумала Лукреция и, достав из ящика сигарету, победно ее прикурила.

Хозяйка журнала прекрасно понимала, что у нее теперь есть не просто рычаг давления на Эмили, а правда, которая если окажется у ФБР, то не только сметет всю легенду заигравшейся в непонятно что девочки, но и выльется ей в большой срок.

«Ты отдашь мне флешку, — сделала глубокую затяжку Лукреция. — А если нет, я тебя с собой на дно утащу…» — Закрыв глаза, она откинулась в кресле и, чувствуя, как бальзам согревает желудок, медленно улыбнулась.

Выйдя из кабинета, Челси устало добрела до машины и, сев в нее, громко захлопнула дверь. Холодные капли дождя, что противно стекали по лицу, уже не бодрили своей прохладой, а расползшийся по телу холод не будил подвисающий после допроса мозг. «Только двенадцать…» — заведя машину, снова с досадой посмотрела на табло приборной панели Челси и достала смартфон.

— Адрес у меня. — Включив дворники, она повернула тумблер кондиционера на отметку «горячо».

— А я… — Мэтт, стоя в пробке, посигналил очередному любителю пролезть спереди. — На Бауэри торчу. Что еще узнала?

— Узнала, что у Блэквуда могут быть в органах кроты и сам он далеко не одуванчик.

— Так ты ей веришь?

— Файл пуст, Мэтт, и если в юстиции ничего не найдешь, нам придется отработать эту версию тоже.

— Наблюдение за ней будем ставить? — Мэтт, выглядывая из-за руля, пытался оценить масштаб пробки.

— Она с Эмили сегодня ночью разговаривала. Кто уволенным сотрудникам по ночам звонит? И главное, зачем? Ведь уверяла, что почти не общалась с ней.

— Это уже интересно…

— Поэтому ставь.

— А ты разве не в офис?

— Слушай, тут такое дело… Я себя, по ходу, переоценила, — виновато постучала по рулю пальцами Челси. — Прикроешь? Съезжу домой, посплю, а позже квартиру сама проверю, хорошо?

— Не вопрос, да и я могу подъехать, мне несложно. — Мэтт старался поддержать Челси. — Вечером же?

— Нет, ты лучше за Ривер-Касл пригляди и, если девчонка поедет домой, отвлеки.

— Не знаю… Без ордера туда вламываться… Может, осмотришься только и по соседям пройдешь? Мы к делу это потом никак не прицепим, сама всегда говорила.

— А сидеть и ждать теперь я не могу. Я устала! Понимаешь, устала я сломя голову носиться по Штатам, жрать вечно холодный фастфуд из дебильных ларьков на заправке, разговаривать со свидетелями, допрашивать, жизнью рисковать! От всего устала! У меня это в печенках уже сидит, ты не видишь?! Я покоя хочу! Не тяну я это больше, не тяну, Мэтт! — непривычно сорвалась Челси.

— Тише ты, тише. Я понял, — напряженно нахмурился Мэтт.

— Подстрахуешь? Последишь за ней?

— Куда я денусь… Вендетту же сразу объявишь… — отшутился Мэтт. — Кстати, адрес скинь, тогда, пока спишь, пожарку там проверят, а копию ключика под коврик бросят.

— А вот за это спасибо. — Челси включила поворотник и посмотрела в зеркало заднего вида.

— Давай отдыхай, позвонишь. — Мэтт резко дернул руль и, не выдержав тягомотины, включил мигалки. — Достали, бл…

— А ты их арестуй, — улыбнулась Челси, лелея внутри проявленную Мэттом заботу. — Ладно, надо ехать, вообще засыпаю. — Она закончила вызов и плавно тронулась с места.

За окном рабочего шевроле моросил серый дождь…

Глава 6

Часы на руке француженки показывали половину первого дня, а тихое эхо шуршащих по каменному полу кроссовок Эмили перекликалось со звонким стуком стальных каблуков. Две скрытые за светом фонаря фигуры осторожно шагали сквозь мрак коридора и, войдя в склеп, остановились. Едкий запах гари, смешанный с сыростью, настырно проникал в ноздри и, будто прилипая к ним, уже не давал никаких шансов от него избавиться.

Раздраженно почесав нос, Жюстин щелкнула выключателем и, услышав, как среди каменных стен загулял звук, прошла в центр. Остановившись у обгоревшего пьедестала, она направила фонарь на серебряный ларец, который будто ожил и, переливаясь, сразу заиграл светом.

— Тут все, что осталось. — Жюстин выключила фонарь и, повесив его на пояс, обернулась. — Прах Софи.

Поймав скорбный взгляд француженки, Эмили понимающе кивнула, стараясь не показывать страха, что тут же зашевелился внутри. Он, словно охотничий пес, без устали искал трещины в воспоминаниях о пленившей ее здесь боли и, находя их, как пойманную дичь, вытаскивал наружу, а затем, впиваясь острыми зубами в горло, не отпускал… Заставлял смотреть, заставлял переживать, заставлял заново ощущать события той роковой ночи. Ночи, которая чуть не лишила ее свободы и чуть не забрала у нее право на жизнь.

— Я думала… — Эмили робко подошла к Жюстин и встала рядом. — А тут даже тела не осталось. — Она жалостливо свела брови. — Все равно ее надо отдать. Похоронить по-человечески.

— Отдадим, подруга. Отдадим. — Жюстин положила руку на плечо Эмили. — Но потом. Сейчас нельзя рисковать.

— А она… точнее, то, что там, ведь не испортится? — Эмили вопросительно посмотрела в отражение огней электрических канделябров, танцевавших в грустных глазах француженки. — Сыро же.

— Эмили, это не колбаса, чему там портиться? — Жюстин игриво похлопала по ее макушке ладонью. — Пепел и фрагменты костей. В таком виде им уже ничего не будет.

— Просто…

— Хуанито, ну ты как динозавр, ей-богу, — услышав громкий скрежет металла о стены, перебила француженка и повернулась.

С ведрами в руках, мешком цемента на плече и рюкзаком за спиной, тот, еле удерживая равновесие, завалился в помещение.

— Как могу. — Хуан, ставя ведра на пол, царапнул жестяным дном холодный камень. — Так и хожу. — Он с грохотом скинул мешок цемента и помахал перед лицом рукой, сбивая поднявшуюся от него пыль.

— Давай помогу. — Эмили подошла ближе и присела на корточки. — Я как-то стол сама собирала. Че-то ножка правда отпала сразу, но все равно. Опыт же.

— Эмили, стену строить — это немножко другое, да ведь, Хуанито? — Жюстин широко улыбнулась. — Наш маникюр такое не переживе-е-ет. — Она резво пошевелила ухоженными пальцами с черными ногтями, наглядно показывая Хуану вескую причину отказа от строительных работ.

— Да посвети просто. — Он снял рюкзак и бросил его рядом с ведрами.

— А перчатки? — Эмили обернулась к француженке.

— Так, ты давай ему не подсказывай, oui? — Жюстин сняла с пояса фонарь и, подойдя к Эмили, вложила ей в руку. — Делай, как он говорит.

— Кстати, что решили? — Хуан разрезал перочинным ножом мешок с цементом.

— А? — Эмили озадаченно посмотрела мексиканцу в глаза.

— Да проблемка есть… — Жюстин слегка приподняла руку Эмили и, включив в ней фонарь, направила рассеянный луч на Хуана. — Небольшая, но…

— Нимфы не слушаются, гости злятся, слухи разные ползут, — перебил Хуан, насыпая цемент из мешка в ведро. — Плохо все, одним словом.

— Хуанито, ты лучше стену делай, — осознавая неприятную реальность этой озвученной правды, резко произнесла Жюстин. — А то ужасы нагоняет тут.

Она, конечно, понимала, что Хуан не преувеличивает, да еще и не договаривает о полном масштабе трагедии. Но выливать весь этот бардак на девочку, что и так погрязла в перевернувших ее жизнь событиях, отчаянно не хотела. Поэтому и приняла решение действовать мягко, не раскрывая всех деталей нависшего над их судьбами пиздеца.

— Но смысл — да, примерно такой, — поджав губы, улыбнулась Жюстин.

— Так ты же сказала, все под контролем… — Эмили растерянно посмотрела на француженку. — Что все хорошо.

— Полной информации не было. — Жюстин кивнула на Хуана. — Теперь есть.

— И… и чего теперь?

— Скажешь им, что ты дочь Майкла. — Хуан встал и почесал затылок. — Песок забыл…

— Я?! — округлила глаза Эмили.

Именно сейчас она до конца ощутила всю взятую на себя ответственность. И если раньше это казалось чем-то простым, вроде контроля за соблюдением новых правил и исполнением обещаний Жюстин, то теперь вся внутренняя начинка клуба, все его гости, все их проблемы с нимфами раскаленным свинцом выплескивались прямо на ее плечи и, моментально затвердевая на пахнущем гарью воздухе, уже не давили, а просто ломали хребет.

— Пусть думают, что он оставил тебя, а сам улетел отдыхать. — Хуан огляделся и, убедившись, что песка нет, отправился за ним в зал Афродиты.

— Так я же… Он же уже на отдыхе. — Эмили посмотрела вслед уходившему Хуану. — Я ведь уже сказала, что я твоя правая рука и все такое. — Она повернулась к удивленной Жюстин.

— И зачем ты так сказала, подруга? — Француженка вопросительно склонила голову.

— А чего было говорить-то? — растерялась та.

— Что он в кабинете, например, — подняла бровь Жюстин.

— Так ты не предупреждала… — Эмили грустно опустила взгляд. — Ты вообще мне ничего не рассказываешь.

— Моя вина… — осознав свою ошибку, Жюстин приобняла Эмили за плечи. — Прости…

— Но… — Эмили испуганно посмотрела на француженку. — Я им… А если они не поверят?

— Мы дипфейк сделали, тут даже не переживай. — Жюстин искренне улыбнулась. — Никто и не поймет, подруга. Никто, я тебе обещаю.

— А выбора нет? — грустно спросила Эмили. — Ведь если скажу, что я дочь, то это навсегда. Понимаешь? Мне всю жизнь придется ею притворяться.

— Понимаю, но если не скажешь, этой жизни может и не быть. — Француженка отошла от Эмили и посмотрела на тускло освещенные картины. — Ни у нас, ни у девочек.

Слова Жюстин больно впивались в плывущее от все новых и новых проблем сознание Эмили. Они словно выжигали душу обидой — тем, что сначала ее сделали куклой Софи, а теперь просят стать дочерью извращенца, который эту подмену и сделал. Тем, что будущее с Биллом теперь еще сильнее повисло над пропастью. Тем, что если она примет роль, то отмыться будет нельзя. Это будет печать на договоре с самим дьяволом, да, ради спасения невинных

душ, но какой ценой?.. Ценой возможной потери любви, своего прошлого, своей сути, своего имени, всей себя. Ведь потом она станет Блэквуд и Уайт больше не будет никогда…

— А как же Билл? Он ведь не знает ничего. — Эмили с досадой посмотрела на серебряный ларец. — Вдруг это…

— Он тебя любит, поймет, — перебив, повернулась Жюстин и ласково улыбнулась. — Кстати, позвоним?

— А? — В глазах Эмили моментально заблестела надежда.

— Давай телефон, я наберу. — Жюстин протянула руку. — Тебя же до второго пришествия ждать.

На лице Эмили засияла хоть и грустная, но искренняя улыбка.

— А если… — Она прижала к груди смартфон, продолжая накручивать себя, но уже тем, что Билл не ответит на звонок с ее номера. — Давай с твоего?

— Да у тебя паранойя, подруга. — Жюстин нахмурила брови и, достав свой смартфон, уставилась в блеклый экран. — Диктуй.

Белые стены больничной палаты ярко отражали потолочный свет и слепили напряженные от головной боли глаза Билла. Он хоть и пытался закрыться подушкой, спрятаться под одеялом, но медперсонал, бесконечные визиты которого были сверхурочно оплачены его отцом, не просто мешал отдохнуть, он делал все, чтобы своими проверками и анализами усугубить недуги.

— Не спишь, алкоголик? — В палату уже привычно зашла Анжелика и снова, как она считала, ради профилактики, надавила на больную мозоль.

Билл, конечно, был не против визитов матери, но не каждые пять минут. Не такой ему хотелось «заботы». А сам факт того, что она выкупила соседнюю палату, лишь бы с утра до вечера следить за посетителями, карауля «некую» Эмили, вообще казался средневековым абсурдом. Все эти постоянные расспросы о «шлюхе», что разрушает планы семьи и надежды отца на место в конгрессе, уже, как сорняки, вросли в его мозг. С каждой новой слезинкой матери они, казалось, крепли и наливались этой влагой, а затем на ветрах сомнений разбрасывали свои колючие семена по всей совести Билла. Сводили с ума, заставляли нервничать, заставляли еще сильнее болеть. Но все это не могло помешать ему думать об Эмили. Страдать в неведении о ее судьбе и убиваться горем от разлуки, от невозможности сказать ей даже «привет».

— Слушай, тебе не надоело? — Билл демонстративно отвернулся к окну, в которое неустанно тарабанил дождь.

— А тебе? Мучить нас? — Анжелика, сложив руки на груди, посмотрела в затылок Биллу. — Ладно, Пипи пришел, впустить? — спросила она, делая вид, что сын тут что-то решает.

— Пипи? — Билл резко повернулся и тут же сморщился от боли в ребрах. — Ты почему его сразу не впустила? Совсем уже?

— Пипи. — Анжелика открыла дверь и услышала, как зазвонил смартфон Билла, что лежал на дне ее сумочки. — Он не спит.

— Йоу, чуви! — Поправляя сползающие на бедра мешковатые джинсы, рэпер буквально залетел в палату. — Чу там с тобой? Кого наказывать будем? — Он отбил Биллу пятюню и демонстративно растопырил пальцы с перстнями. — Пипи ща все порешает, один звонок, бро! Весь Уэст-Кост на войну поднимем!

— Все нормально, Пипи. — Билл перевел взгляд на сумочку матери. — Может, я отвечу? Там и по делу могут звонить.

Анжелика нехотя достала смартфон и посмотрела на номер, что не значился в списках контактов.

— Слушаю. — Она поднесла его к уху.

— Ну блядь… — резко откинулся на подушку Билл и со злостью уставился в потолок.

— Здравствуйте, я могу услышать Билла Свифта? — В речи женщины слышался явный французский акцент.

— Это его мать, он на больничном, — авторитарно подняла подбородок Анжелика. — Что-то срочное или передать?

— Передать? — Не ожидая такого поворота событий, Жюстин попыталась придумать, зачем звонит. — Скажите…

«Поставщик улиток для ресторана “Билли и Уилли”». — Эмили тут же показала текст, напечатанный наспех в заметках своего смартфона.

— Каких, к черту, улиток, Эмили? — прошептала француженка, прикрыв рукой динамик смартфона.

— Он так поймет, что это я.

— Мистер Свифт не оплатил улиток, а они у нас тут, между прочим, все водорослями уже поросли. Больше ждать мы не будем: или пусть выкупает, или отвезем в другой ресторан! Oui? — Пытаясь звучать убедительно, Жюстин повысила голос.

— На полтона, будьте добры… Я не глухая. Как ваша компания, говорите, называется?

Эмили отклонилась от смартфона француженки и, суетливо бегая взглядом, пожала плечами.

— «Жюси-Вкуси». — Француженка моментально закрыла глаза, пытаясь изо всех сил сдержать накативший смех.

— Ты «Жюси-Вкуси» почему заказ на улиток не оплатил? — Анжелика строго посмотрела на сына.

В этот момент душа Билла засияла: он, конечно, догадался, кто там звонит. От этой радости ему захотелось соскочить с надоевшей кровати, прыгать и, выбежав за дверь, начать обнимать весь медперсонал. Делиться со всеми этой новостью, что Эмили его любит, что с ней все хорошо, что их любовь точно жива. Но наивную радость омрачал лишь один вопрос: «Почему Эмили с Жюстин и куда тогда делся Майкл?» Эта маленькая капля дегтя в полной бочке сладкого меда отдавала неприятным послевкусием и разжигала решимость поговорить с ней вопреки всему.

— Да помню я. Скажи, на днях переведу… — Билл взобрался спиной на подушку, изображая серьезность. — Пусть привозят.

— Доставляйте, вам скоро оплатят. — Анжелика уверенно повторила слова сына. — Это все?

Услышав заветный голос любимого человека, Эмили буквально расцвела, а по всему телу разлилось такое приятное и такое долгожданное тепло… Чувство — как будто в самую лютую зиму, со снегом и метелями за окном, ее заботливо усадили рядом с камином, накрыли пледом и принялись читать сказку. Эти волшебные слова, что, проникая в уставший разум, стирали боль, рассеивали тревоги и переносили в мир, где ее ждет принц… Принц, который теперь вопреки всему для нее существует.

— Спасибо, мэм, я передам в логистику. — Жюстин завершила вызов и, не выдержав, захохотала.

В эту секунду в склеп вошел Хуан и, покосившись на француженку, поставил мешок с песком на пол.

— «Жюси-Вкуси»? — Француженка, заливаясь смехом, посмотрела на мексиканца.

— Ясно… — Хуан, не выражая эмоций, склонился к мешку.

— Мы просто Биллу позвонили, — радостно пояснила Эмили.

— Я так и понял. — Хуан потряс ведро с цементом. — Посвети. Здесь сделаем, а потом в зал и подвал с клетками… — Он поднял взгляд на Эмили и, прищурившись от хлынувшего в глаза луча фонаря, начал замешивать раствор.

Тем временем Билл после ухода матери уже полчаса как во всех деталях описывал Пипи ситуацию, в которой он умудрился оказаться.

— Ничу ты… — Рэпер с серьезным видом налил стакан воды и залпом его выпил. — Чу-то аж кожа обоссалась. — Он стер со лба проступившие капли пота.

— Поможешь, бро? — впервые о чем-то попросил друга Билл.

Рэпер не раздумывая подошел к кровати и задрал рукав белой футболки, что была на несколько размеров больше самого Пипи.

— Чу видишь?

— Ничего, — удивился Билл, смотря на худощавый бицепс друга.

— Это мощь улиц, бро. — Пипи гордо поднял подбородок с редкими волосками. — И она с тобой до конца. — Рэпер отбил Биллу пятюню. — Так чу мутить будем?

— Мне нужно, чтобы ты съездил ко мне в офис. Найдешь там блокнот на столе, в нем адрес Эмили.

Пипи, расправив плечи, сложил руки на груди и уверенно кивнул.

— Потом сюда за мной, и поедем к ней. А то я хожу хреново, — облокотившись на кровать, кое-как пошевелил ногами Билл.

— Чуви? — Рэпер подозрительно посмотрел на Билла. — Пипи чисто прояснить. Ты хочешь, чтоб черный бро помог тебе свалить, а потом чтоб этому верному и преданному мученику откромсала яйца твоя же ма?

— Да не тронет она тебя. Никто же не узнает.

— Да чу-то сомнения Пипи тревожат. — Склонив голову, он недоверчиво прищурился.

— Пипи, ну сколько мы дружим? — Билл жалостливо посмотрел на друга.

— Бро, да Пипи тебе даже часть жопки от хлеба отдаст, если надо, но твоя ма… — Рэпер демонстративно скривил лицо. — Она ж потом белый колпак носить станет.

— А если я тебе билет дам? — Билл хитро взглянул на друга. — Ты же хо-о-очешь туда… По глазам вижу, хочешь.

— Чу-то нечестность в воздухе залетала. — Пипи сложил губы трубочкой и нахмурил нос. — Вот как ты с бро, да?

— Пипи, там такие цыпы… — Билл, улыбаясь, закрыл глаза и повертел головой. — Ты таких еще не видел.

Рэпер непроизвольно стрельнул глазами на дверь, а затем на Билла.

— Но знай, Пипи идет на это только ради тебя. — Рэпер хлестко ударил костяшками пальцев по ладони Билла и крепко сжал его руку. — Это верность улиц, бро. — Он постучал кулаком свободной руки себе по груди. — Пипи может потерять корону, но не имя на могильной плите.

— Пипи, мы не войну банд устраиваем. Ма в семь уходит. — Билл подтянул Пипи к себе и постучал ему по плечу.

— Пипи будет. Пипи тут будет, бро. — Он похлопал Билла в ответ по руке, а затем отправился на выход.

Билл благодарно посмотрел другу вслед и, закрыв глаза, завалился на подушку. В его мыслях вовсю кружила надежда, а перед глазами танцевали мечты… образы сладких объятий и горячих поцелуев с Эмили. Одно лишь это предвкушение, это греющее душу чувство заставляло его буквально светиться изнутри и укрепляло решимость уйти из семьи. Уехать, убежать, да пусть и раствориться в серых буднях, но зато с любимой. С любимой, а не с навязанной семьей, как он считал, занозой, что годами будет не просто болеть, а гнить от невозможности ее вырвать.

Резкий крен боинга, заходившего на посадку в тумане при моросящем дожде, моментально вернул Эрика в реальность. Желтые фары лайнера ярко подсвечивали летящие на

кабину капли, а корпус даже в окружающей серости блестел от скользящей по нему влаги. Почувствовав грубое касание шасси, Эрик крепко сжал в руках выключенный смартфон и снова закрыл глаза.

Сознание журналиста разрывалось, находилось в полном хаосе и никак не могло понять, почему Эмили перестала отвечать. В том, что она жива, он, конечно, не сомневался, ведь сообщения она точно читала. До вчерашнего дня. А вот причину этой блокировки и явного игнора он упорно понять не мог, а может, просто не хотел. Сейчас Эрик даже не думал, что в чем-то вообще виноват. Ему было легче считать, чтоЭмили с Биллом, и лишь одна эта мысль, в сотый раз проскочив в одурманенной ревностью голове, вновь угоняла сердце в пятки, выворачивала пустотой живот, откликалась внутри чудовищной болью. Той самой, которая и заставила его наплевать на все приказы Лукреции и первым же рейсом вернуться обратно. Вернуться, чтобы увидеть свою любовь.

В очередной раз посмотрев на часы, которые уже показывали пять вечера, Эрик поймал такси и направился прямиком в редакцию. Он старался верить, что Эмили не ушла от него, а просто переживает из-за упущенного повышения, что ей всего лишь грустно, что она не с ним. Не с этим козлом. Заглянув еще раз в пакет и проверив, что купленный в дьюти-фри плюшевый зайка не промок, он подавленно откинулся на сиденье. Посмотрел на проплывающие мимо фонарные столбы, что расплывались огнями за мокрым боковым стеклом. Поймал взглядом размытые стоп-сигналы машин, которые словно подмигивали, скрываясь за скрипучими дворниками лобового стекла. И всю оставшуюся дорогу верил… верил, что Эмили на работе, что она ему все равно будет рада, что он все исправит. И, если надо, докажет, что лучше Билла, покажет ей своим поступком, грозящим увольнением, — он ее достоин. Только он и никто другой.

Подъехав к офису журнала, Эрик, не дождавшись сдачи, выбежал из такси. Мерзкий дождь врезался в лицо, мочил волосы, но не мог остановить его на пути к любимой. Изрядно запыхавшись, он залетел в редакцию и, увидев пустое место, непроизвольно уронил пакет с игрушкой. Сейчас ему было плевать на косые взгляды коллег, плевать на все, перед глазами стояла пустота, и самое страшное — в ней не было даже намека на Эмили. Не было кактуса на столе, не было аккуратно сложенных письменных принадлежностей, не было фото ее мамы, не было ничего… Ноги Эрика вдруг перестали слушаться, в голове застучал бешеный пульс, а из глаз пытались вырваться слезы… Частички вытекающей наружу души.

«Эми… Если она тебя уволила… я…» — сжав кулаки, подумал Эрик.

Твердым шагом он направился к кабинету начальницы и, даже не раздумывая, со злостью толкнул плечом дверь.

— Ты? — от неожиданности подпрыгнула в кресле Лукреция. — Ты что себе позволяешь?! — Сдерживая испуг, она резко встала.

— Вы ее уволили?! — Эрик уверенно подошел ближе. — Отвечайте! — Он ударил кулаком по столу.

— Во-первых, не я! — Лукреция властно склонилась к Эрику. — А во-вторых, ты почему не в Лондоне?! — Видя злую боль в его глазах, она все поняла и мысленно улыбнулась.

«Вот кто мне сейчас нужен», — подумала Лукреция, решив использовать Эрика в своих целях. В качестве запасного игрока, что может выкрасть флешку, посеять хаос, да и вообще стать верным псом в борьбе с Эмили.

— К-как не вы? — Эрик медленно опустился в кресло. — Она же… она не смогла бы выполнить ваше задание.

— Задание? — Лукреция вопросительно посмотрела на него.

— Разве не вы ее просили статью про клуб написать? — Эрик виновато свел брови. — Я думал…

— Ты хороший журналист, Эрик. — Лукреция подошла к угловому шкафчику, а затем достала из него хрустальный бокал. — И ты все верно понял. — Она заботливо поставила его на стол. — Это была я. — Хозяйка журнала распечатала купленное час назад виски и, плеснув немного на дно, вернулась в кресло.

Руки Эрика сжались в кулаки с новой силой.

— А вот испортил все ты. — Лукреция, скребя дном, подвинула бокал к Эрику. — Майкл ей все про тебя рассказал, а его подружка… Ты ее, наверное, видел. Такая… француженка… — Сделав паузу, она заметила, как журналист опустил глаза. — Не просто запудрила ей мозги, Эмили теперь с ними. Понимаешь? Она теперь каждый день там.

В этот момент вселенная Эрика сжалась до невидимой точки, а затем беззвучно рванула, сметая взрывом все надежды и планы на счастливую жизнь. По телу журналиста промчалась не дрожь, а самая настоящая тряска. Словно гигантское землетрясение, усиленное ревностью, она нещадно лихорадила его карточный домик иллюзий и, роняя карту за картой, рушила всю его веру в чистоту Эмили, в ее искренность, в ее любовь.

— Я вам не верю! — Эрик резко отодвинул бокал. — Вы ее уволили и просто мстите!

— А ты съезди к ней, заодно про флешку спроси. — Лукреция взяла бокал Эрика и разом выпила. — Про материал, который она нашла и не отдает. — Она подвинула к себе пепельницу и достала из ящика сигарету. — Спроси ее про это, Эрик. Спроси, почему она не отдает то, что уничтожит клуб к чертовой матери! — крикнула хозяйка журнала.

Эрик ужасно не хотел верить словам Лукреции, но остатки логики упрямо твердили, что его начальница не врет.

— Эмили теперь под их властью… — Лукреция прикурила сигарету и, выдохнув дым, наклонилась к Эрику. — Как думаешь, что она там по ночам вытворяет?

Эти намеки начальницы моментально и окончательно добили и без того хрупкое самообладание Эрика. Он даже не понимал, что ревность, эта отравленная, но чертовски красивая ягода, которая своим ядом буквально слепит глаза, уже не просто манила его. Она стала его ориентиром, сраной путеводной звездой, что давно умерла, но до сих пор светит, скрывая блеском оставшуюся во тьме пустоту.

«Эми… Ты не могла… или…» — Эрик вспомнил, как в клубе та без стеснений извивалась на члене другого мужчины, и, схватив бутылку виски со стола, сделал несколько глубоких глотков.

— Он… — Эрик яростно посмотрел на Лукрецию и сделал еще один плотный глоток из бутылки. — Майкл меня обманул.

— Он всех обманул, Эрик, и я не исключаю, что ее тоже. — Лукреция нетерпеливо стряхнула пепел. — Мы должны ее спасти. Слышишь? Мы должны забрать у нее флешку и прикончить этот клуб намертво! — Она громко хлопнула ладонью по столу. — Как муху! Не станет клуба, вернется и Эмили!

— Я еду к ней. — Эрик, уже захмелев, снова выпил виски для смелости. — Я верну ее себе! — Он громко поставил бутылку на стол и, вытерев губы, резко направился на выход.

— Эрик, — окликнула его Лукреция. — У тебя все ресурсы. Действуй. Не дай им отнять ее у нас.

Слова Лукреции только укрепили решимость журналиста во что бы то ни стало обратить Эмили на правильный путь. Притянуть ее на свою орбиту. Эрик продолжал убеждать себя, что она просто наивная запутавшаяся девочка, и даже не думал о том, что Эмили злится, ненавидит или презирает его, узнав о предательстве. Ведь, вернувшись к нему, она точно поймет, почему он так сделал, и потом не только простит, а будет благодарна за этот поступок.

Выйдя из кабинета, Эрик со злобой покосился на коллег и, нервно подняв так и лежавший у входа пакет с плюшевым зайкой, помчался в квартиру Эмили.

За окнами редакции плакало темное небо. Шел черный дождь…

Глава 7

Мокрый асфальт ярко блестел в свете фар рабочего шевроле Челси, которое, заехав колесами на тротуар, уже несколько минут стояло напротив подъезда Эмили. Капли мелкого дождя неустанно разбивались о лобовое стекло, отлетали брызгами с дворников и мягко барабанили по крыше. Мельком посмотрев на часы приборной панели, что показывали начало девятого вечера, Челси вновь неуклюже зацепила палочками корейскую лапшу из вока и, стараясь не запачкаться, аккуратно затянула ее в рот. Сразу промокнув рот салфеткой, она взглянула на безжизненные окна четвертого этажа и наконец набрала Мэтта.

— Как у тебя? — Челси поставила между ног недоеденную коробку с воком и, запихнув туда палочки, ее запечатала.

Черный, полностью тонированный джип Мэтта буквально сливался с темнотой и неприметно стоял за голыми деревьями на обочине дороги, тянувшейся мимо Ривер-Касл. Уютное свечение планшета, что был вмонтирован в приборную панель, приятно расползалось по салону голубоватыми оттенками, а монотонный шум моросящего дождя уверенно клонил в сон.

— Ты знала, что какашки пингвинов спасают мир? — Мэтт, прикоснувшись к экрану, поставил на паузу передачу о животных.

— Поняла, захожу. — Не удивляясь поведению коллеги, Челси заглушила мотор.

— Ключик под ковриком. — Мэтт, зевнув, развалился на водительском сиденье и вытянул ноги. — Наберу, если что. — Он присмотрелся через лобовое стекло к размытым огонькам окон Ривер-Касл и, бросив смартфон рядом, снова включил видео.

Подняв ворот черного пальто, Челси вышла из машины и, захлопнув дверь, огляделась. Одинокий уличный фонарь тепло освещал подъезд и, подсвечивая мелкие капельки, отражался в рябящих на ветру черных лужицах. Вокруг царила тишина. Не было ни голосов прохожих, что, видимо, прятались от непогоды дома, ни звуков машин, которые в это время обычно должны проезжать мимо. Не было ничего. Только шум ледяного дождя и хлюпанье замшевых ботильонов Челси, что, не вынимая рук из карманов, направлялась к двери.

Неторопливо поднявшись на последний этаж, Челси подошла к квартире Эмили и, делая вид, что поправляет брюки, взяла из-под коврика ключ. Без особых усилий открыв дверь, она достала пистолет и вошла внутрь. Держа фонарь под обоймой, агент быстро проверила комнату и, убедившись, что угроз нет, наконец зажгла свет.

Взгляд ее задержался на глянцевых фотографиях Нью-Йорка, что были развешаны на кирпичных стенах и передавали ту самую атмосферу изображенного на них города. Медленно проскользил мимо постеров к легендарным фильмам и плавно опустился на заправленную кровать с характерным углублением от ноутбука. Достав из кармана медицинские перчатки, Челси, осторожно наступая на почерневший от старости паркет, подошла к кровати вплотную, а затем, опустившись на колено, со звонким шлепком их надела. Проведя пальцем по одеялу, она покосилась на пустые прикроватные тумбы, чистый от пыли комод и блестящую на желтом свету столешницу кухонного гарнитура.

«Опоздала…» — расстроенно подумала она, обратив внимание на отсутствие повседневных гаджетов и зарядок.

Челси прекрасно понимала, что неудача Мэтта в юстиции, где он вообще никакой информации о клубе не нашел, словно его и не существовало, эта странная пропажа данных в ФБР, этот выданный сверху запрет наблюдения за Ривер-Касл, который днем получил ее коллега, а сейчас на свой страх и риск нарушал, — все это как-то складно перекликается с показаниями Лукреции. С ее словами о том, что у Майкла есть связи не только в полиции, но и в бюро. В очередной раз мысленно покрутив все кусочки головоломки, Челси лишний раз укрепила

версию о том, что Лукреция и Эмили были тесно связаны. Но вот что пошло не так и кто из них убил Майкла — она не понимала. Равно как и то, зачем кому-то в ФБР понадобилось так топорно скрывать клуб, а теперь еще и мешать их с Мэттом расследованию.

«Если я здесь ничего не найду, это будет жопа…» — подумала Челси, посмотрев в глаза плюшевому медведю, который сидел в углу и, казалось, не сводил с нее взгляда.

— На что уставился? Ну устала я, в офис хочу… Понимаешь? В спокойный и тихий, а не вот это вот все. — Она открыла дверцу кухонной тумбы, где стояло пустое, но немытое мусорное ведро, и тут же сморщилась. — Не это…

Просмотрев ящики кухонного гарнитура, комода, тумб и даже заглянув в пустой холодильник, Челси уныло подошла к деревянным полкам, заставленным книгами в неброском переплете, и, тяжело вздохнув, принялась их тщательно пролистывать.

Тем временем свет в окне четвертого этажа, словно маяк, рассеивал сомнения Эрика в том, что Эмили нет дома, и вел его к желанной всем сердцем гавани. Из мыслей журналиста сейчас не выходили слова Лукреции о том, что Эмили теперь заодно с клубом. Что она там своя, что она… Пресекая тут же воскресшие в сознании образы оргий любимой с другими мужчинами, Эрик опустил взгляд и потряс головой, попутно пытаясь поймать улетающую в бездну живота душу.

«Хватит! Она ведь дома, она… говорила, что я любимый». — Сделав еще несколько глотков из купленной на заправке бутылки виски, он вытер рот холодным дождем и бросил ее на блестящий в свете фонаря мокрый газон. Выдохнув сквозь зубы, Эрик взглянул на пакет с плюшевым зайкой и, пошатываясь, побрел к подъезду. Отправился спасать от скользких щупалец клуба свою, как он думал, любовь.

Желтый свет мягко стелился по черной ткани еще не просохшего от дождя пальто Челси, а ее палец будто на автомате, шурша, перелистывал страницу за страницей.

«Последнее дело. Просто потерпеть…» — подбадривала она себя, строя запасной план с допросом домоуправляющей, но вдруг резко обернулась на звонок в дверь и, медленно вернув книгу на полку, достала пистолет.

— Эми! Эми! Это я! — усердно вдавливал кнопку звонка Эрик.

Челси осторожно подкралась к двери и, прислонившись к стене, аккуратно щелкнула оружейным затвором.

— Эми, я знаю, ты дома! Я видел свет! — уже стучась, не сдавался Эрик.

Резко открыв дверь, Челси сразу взяла на мушку мужчину, что показался ей определенно красивым.

— Зашел. — Не опуская пистолет, она медленно отступила и запустила его внутрь. — Дверь, — кивнула на замок Челси.

— Т-ты к-кто? Г-гд… — Пальцы Эрика задрожали вместе с голосом, а из руки выпал пакет с плюшевым зайкой.

— Я сказала, дверь! — перебила Челси и нацелилась чуть выше, в голову.

— П-подожди… Д-да. — Эрик трясущейся рукой с трудом повернул замок. — Я Эр-рик. П-парень Эм-мили. — Он испуганно посмотрел в дуло пистолета.

— ФБР, Челси Перкинс. — Она качнула пистолетом в сторону кровати. — Туда.

— Ф-ФБР? — Эрик медленно прошел в комнату, не отводя взгляда от строгого лица агента.

— Встал. — Челси свободной рукой ощупала ноги Эрика на предмет оружия. — Верх снял, руки в стороны.

— Я… я н-не п-понимаю. — Тот спешно расстегнул пуговицы и, бросив пальто на пол, развел руки. — С-с ней что-то с-случилось?

— Парень, говоришь? — закончила досмотр Челси и, убедившись, что журналист чист, толкнула его в спину.

Эрик, потеряв равновесие, уперся ледяными руками в матрас.

— Г-где Эм-мили? — Он обернулся к Челси и неуклюже присел на край кровати.

— Тут я вопросы задаю. — Челси подошла к обеденному столу и оперлась на него ягодицами. — Давно встречаетесь? — Она холодно посмотрела на мужчину, положив пистолет на столешницу.

— Н-недавно. — Эрик покосился на подаренного Эмили медведя и вспомнил былое тепло, которое сейчас почему-то не грело.

— Как познакомились? — продолжала сверлить взглядом растерянного мужчину Челси.

— Р-работали в-вместе.

— Где? На кого?

— М-мы ж-журналисты. — Эрик попытался сглотнуть, но во рту пересохло. — Л-лукреция Э-эмерсон. «Д-девичьи с-секреты».

— Сюда зачем пришел? — Убедившись, что тот не врет, Челси взяла со стола пистолет и убрала его в наплечную кобуру.

— Так я… — начал успокаиваться Эрик, увидев в руке Челси удостоверение. — К Эмили…

— Она же не тут живет. — Челси подошла к крану и, налив в стакан воды, подала его Эрику. — Разве не знаешь? — Вернувшись к обеденной зоне, она обернулась к нему, поднимая стул.

— Кх… кх… — закашлялся Эрик. — Не понимаю…

Поставив стул напротив Эрика спинкой вперед, Челси уселась на него, как на ездовую лошадь.

— Попей.

Она сделала паузу, наблюдая за жадными глотками.

— И про ее отца ничего не слышал?

— Знаю, что у нее мама умерла. — Эрик поставил пустой стакан на прикроватную тумбу. — А про отца…

— Майкл Блэквуд, не говорила? — вопросительно подняла бровь Челси и, скрестив руки на спинке стула, положила на них подбородок.

В это мгновение внутри Эрика начала расползаться последняя ниточка, что и так еле удерживала остатки веры в Эмили, в ее слова о любви, в ее порядочность, в ее честность.

— Блэквуд — отец Эми?! — не удержался он, повысив голос, и вытаращил глаза.

— Так вы знакомы? — подавила улыбку Челси, с радостью осознав, что случайно попала в цель.

— Я вам не верю! — Эрик резко встал и зашагал кругами по комнате. — Вы все врете! Она не могла!

Именно сейчас Челси четко поняла, что журналист может оказаться тем самым недостающим звеном, которое, несмотря на все чинимые им с коллегой преграды, поможет раскрыть дело. Стать тем самым билетом в спокойную жизнь, ведь в обыск с ордером, судя по тому, как убрались в квартире, она уже не верила.

«Ты мне теперь все расскажешь, чего бы мне это ни стоило», — подумала она, отдавая себе отчет, что в суде его слова не примут и поэтому можно применять любой, даже нестандартный подход.

— А что так? — Челси встала со стула и, взяв с тумбы стакан, вновь наполнила его водой из-под крана.

— Он… Этот клуб… — Эрик посмотрел на подошедшую Челси и отвел в сторону ее руку, что протягивала полный до краев стакан. — Не верю! — Журналист, ухватившись за голову, сел на кровать и уставился в пол.

От этих слов внутри Челси будто полыхнуло яркое солнце. Оно обжигало новой надеждой всю ее промокшую под грязным дождем душу и, учащая пульс, отражалось в заблестевших глазах задором и нетерпением.

— Что за клуб? — Челси отошла к мойке и, выплеснув воду в раковину, обернулась к Эрику.

— Я должен ее увидеть… — не унимался тот. — Или… — Он посмотрел на Челси взглядом брошенной собаки, понимая, что слова Лукреции были правдивы.

— Эрик, клуб называется «Грезы Афродиты»? — Челси подошла ближе и, опустившись на колено, заботливо посмотрела в полные боли и отчаяния глаза.

— Это его клуб… — Журналист понуро опустил взгляд. — Я там… Она там… Как он мог так с дочерью? Со мной? Они же теперь отнимут ее у меня…

— Что? Что там было? — В зрачках Челси заплясал огонь.

— Она… с другим… — полностью расклеился Эрик и, как ребенок, заплакал.

В эту секунду Челси вдруг поймала себя на мысли, что единственный шанс расколоть журналиста — это использовать его боль. Обернуть его отчаяние в орудие мести, которое в умелых руках стреляет всегда.

— Я была там… в Ривер-Касл, — начала партию в эмоциональные шахматы Челси. — И знаешь? Я тебя понимаю.

Эта легкая недосказанность — расчетливо высеченная на душе искра — моментально подожгла уже бурлящую черным маслом ревность Эрика. Теперь она полыхала внутри адским пламенем и на глазах сжигала ту самую последнюю ниточку, на которой и держалась вера. На которой держался он сам.

— Эми с кем-то там была? — невольно вздрогнул Эрик. — Небритый, глаза голубые, да? — Он наклонился к Челси и ухватил ее за плечи.

— Ты его знаешь? — стараясь не спугнуть журналиста, подыгрывала она и, не сопротивляясь, жалостливо рассматривала в расширенных зрачках напротив кричащую в муках душу.

— Она… она бы не стала… — Эрик растворялся в карих глазах Челси, а внутри… внутри с глухим треском уже осыпался весь его обугленный мир.

— Сколько раз она тебе изменяла? Это ведь в клубе было? Эрик? — Челси без труда соединила обрывки полученной информации. — Бедненький… — Почувствовав, как тот уткнулся ей в плечо, она положила руку на его светлые волосы. — И ты это все видел… терпел…

Журналист несколько раз кивнул, не отрывая носа от черного пальто, что холодило его лоб влагой.

— Я хочу к ней… — Он медленно поднял голову. — Я должен ее увидеть. Надо идти…

«Ну нет, теперь ты отсюда не выйдешь, мальчик… Как ты там это делаешь, Мэтт?» — стиснув зубы, подумала Челси и приняла решение пойти на крайние даже для нее меры. Воспользоваться разбитым изнутри мужчиной и с ним переспать, четко понимая, что после оргазма он не отвертится и все расскажет. Если и не по доброй воле, то через старый добрый шантаж.

— Я думаю, она этого не хочет… — Челси мягко положила руку на плечо Эрика. — Она ведь даже на звонки не отвечает, да? Раз ты тут?

— На сообщения тоже… — промямлил Эрик, касаясь пальцев Челси, но уже был не в силах их от себя оторвать.

— Может, чтобы другой не переживал? Тот, кто, прости за грубость, трахает ее сейчас? — намеренно сделав ход конем, уколола Челси.

От услышанного сердце Эрика сперва будто зависло над пропастью, а затем беспомощно сорвалось и, плюхнувшись в лаву переплавленных ожиданий, вспыхнуло неведомой до этой минуты ревностью. Она испепеляла последние мосты к любви и вызывала необъяснимое

возбуждение. Гнилое, запретное, пахнущее серой, но возбуждение… Это чувство металось внутри, разъедая низ живота тревогой, и оседало грязью на погасшей душе. Лихорадило образами и силуэтами, что, как рой комаров, кружили в мозгу и гудели стонами Эмили, извивались контурами ее тела, страстно кричали: «Еще, Билл! Еще!»

— Я вам… не верю… — Эрик сжал кулак, пытаясь утихомирить ревнивую дрожь.

— У нас наблюдение за Ривер-Касл стоит. — Челси жалобно свела брови, продолжая давить на нащупанную уязвимость. — Прости.

— Что вам от меня надо? — тихо прошептал Эрик, теряя свою человеческую суть.

— Расскажи мне все о ней и о клубе. Нам Блэквуд нужен, не она, — выдала полуправду Челси.

— Эми же все узнает… Я не могу… не могу ей больше вредить, — из последних сил удерживал верность Эрик.

«Так, получается, и ты не ангел?» — мысленно уцепившись за это откровение, Челси почувствовала моральное облегчение. Эту теплую волну, что, мягко падая на совесть, смывала все этические нормы и профессиональные правила, которые, как показывал пример Мэтта, можно иногда нарушать.

— Не узнает… — Она медленно встала и начала расстегивать пальто.

Эрик замер и не мог даже пошевелиться.

— Ты трахнешь меня. — Не зная, как изображать романтику, Челси сбросила пальто на пол.

— К-как? — произнес журналист задрожавшим от неожиданности голосом и, широко открыв глаза, уставился на Челси.

— Я ведь на службе, Эрик, и за это меня точно уволят. — Лукавя, Челси сняла кобуру и положила ее на прикроватную тумбу. — Я даю тебе лучшую гарантию, что о нашем разговоре никто не узнает.

— Я… я не поступлю так с ней… — Эрик не сводил взгляда с агента и наблюдал… Следил за тем, как она расстегивает блузку, как из-под белоснежной ткани выглядывает идеальный пресс, как через бюстгальтер проступают ее набухшие соски.

— Мой напарник сейчас слушает ее комнату. Понимаешь? Когда я сюда заходила, я знала, что ее нет. — Челси будто ковшом сыпала соль на рану журналиста. — Сорок минут, Эрик… Сорок. Там шлепки на весь дом стоят, — добивала она ложью мужчину, до конца потерявшего свой мир. — Честно, я бы не предлагала, если бы не знала, что они прямо в эту секунду там вытворяют.

По телу Эрика вновь прокатилась липкая волна извращенной ревностью похоти. Она гуляла по животу разрывающим совесть возбуждением, смывала засохшие островки любви и оставляла после себя лишь горизонт. Пылающую дьявольским пламенем даль, где не было ничего, кроме стоящей на коленях Эмили: ее лица, которое просило жестче и быстрей, ее тела, что прогибалось под все новыми толчками Билла, ее криков, что будто эхом из преисподней гуляли по его плывущему в реке боли сознанию… Этих стонов, что заставляли член Эрика невыносимо зудеть, а его самого — резко соскочить с кровати…

Журналист даже не понимал, как оказался рядом с Челси. Как его руки уже пытались неуклюже снять с нее блузку, как его губы жадно впивались ей в шею, а язык неумолимо кружил по ее пахнущей корицей коже. Челси, конечно, не ожидала такого напора, такой неприкрытой страсти и, слегка растерявшись, попятилась к тумбе кухонного гарнитура.

Чувствуя кожей знойное дыхание Эрика, ощущая каждое прикосновение его губ, что превращалось внутри в мягкий поток, несущий ее забытую за рутиной женственность куда-то вниз, она тяжело задышала. Руки ее сами опускались на его спину, проникали под рубашку и, заползая под джинсы, притягивали напряженные ягодицы к себе.

От приятных поглаживаний Эрик продолжал слепо тонуть в океане, где под толщей возбуждения правили образы… Ангельские лики родной сердцу девочки, которые внушали ему, что через близость с Челси он займется сексом с самой душой Эмили, а это… это и есть любовь… Любовь, что только предстоит ей узнать. Эрик действительно верил, что она сейчас, как змея, извивается под Биллом, и искренне считал, что на духовном уровне, на том, где союз заключают на небесах, Эмили на самом деле хочет его, и он сделает все, чтобы она это ощутила… Почувствовала через доступное ему тело.

Руки Эрика тут же заскользили по талии Челси в поисках злополучного ремня, а когда нашли, судорожно расстегнули и яростно стащили с нее брюки. Журналист уже вовсю изнывал от желания, от этого зудящего потока крови, что пульсировала по всему члену. Она заставляла его плоть грубо врезаться в ткань плавок, а потом сгибаться от давления на упругое бедро Челси. Сейчас в его голове кипела лишь похоть, раскаленной добела ревностью она заставляла журналиста тихо стонать и без конца нашептывать имя Эмили.

Откидывая голову от жгучих ласк, Челси даже не пыталась обращать внимание на сухие фразы зависимого от Эмили мужчины. Наоборот, подыгрывала, расстегивая в ответ джинсы Эрика, просила продолжать и, вынув наружу его внушительный член, плавно повернулась к нему спиной.

— Эрик… — Она уткнулась лбом в холодную столешницу, чувствуя, как ее трусики, цепляясь за колени, упали на пол.

По телу Челси мягко расползалось возбуждение, а из лона сочилась забытая страсть. Желание вновь ощутить то, что украла работа, то, что прорывалось лишь в редких снах, то, что она потеряла, то, что она хотела вернуть — снова почувствовать себя женщиной и хотя бы мгновение просто пожить.

— Трахни меня, как он твою Эмили сейчас, — прошептала Челси, подливая масла в пламя разврата, в это инфернальное зарево обнаженных грезами душ.

В ответ Эрик не произнес ни слова, ведь его мысли уже слепо кружились в танце запретной любви. «Эми, моя девочка», — закрыв глаза, подумал он и что есть мочи вошел в Челси, углубился до конца в ее влажное лоно. Руки Челси от резкого погружения небрежно уперлись в холодный фартук гарнитура, а затем под властью нового грубого толчка соскользнули… сорвались на столешницу и уперлись в нее, но после очередной паузы вылетели вперед, оставив следы от вспотевших ладоней.

Разогретое членом Эрика влагалище Челси уже вовсю сочилось желанием. Оно, как змей-искуситель, поднималось откуда-то из глубин, ощущалось в паху возбуждающей слабостью и от каждого мощного проникновения становилось все острее, глубже, точнее… Изливалось внутри неизбежным экстазом и заставляло ее сознание угасать…

Голова Челси рывками вылетала вперед и, едва не касаясь кафельной плитки, которая то приближалась, то отдалялась, находилась в плену этого похотливого цикла… Мышцы ее заметно напрягались, наливались сталью, особенно пресс, что красивыми кубиками выделялся под гладкой кожей и сокращался в такт сладкой музыке звонких шлепков.

Эрик, зажмурив глаза, будто боялся потерять из виду душу Эмили, ее выжженный в мозгу взгляд, который она, стоя на коленях, с него не сводила, одновременно сотрясаясь от грубых толчков — ударов бесстыжего молота, которые, как ему казалось, наносил Билл. Все эти ощущения, туманящие мозг, словно голодные звери, питались каждым проникновением в Челси и на глазах крепли… набирались сил…

Фанатичное желание пробиться к Эмили сквозь нематериальный мир заставляло Эрика не просто купаться в ревности, лишившей его рассудка, а с головой там тонуть… Идти в бездну неземных наслаждений, которые на глазах превращали его в животное, в хищника на инстинктах, в самца, искавшего доступную для члена плоть. В жертву, которая перенесет любовь прямо в душу Эмили и, озарив ее светом, вернет назад, выведет на праведный путь…

От этих мыслей Эрик положил руку на волосы Челси, собрал их на затылке во влажный кулак и, притягивая к себе, помог члену войти в нее еще глубже. Приоткрыв рот, та лишь тяжело вздохнула и, цепляясь за единственную опору, проскользила ногтями по блестящей от влажных ладоней столешнице. Взгляд ее лип к потолку, а брови, чувственно изгибаясь, сходились на переносице. Внутри разгоралась адская кузница слов…

— Сильнее… — В шепоте дрогнули губы Челси от смешанных с пылкой болью толчков. — Порви меня… Порви…

Эти короткие фразы в ушах Эрика вдруг зазвучали таким приятным и таким родным голосом Эмили. Они внушали ему, что он лучше Билла, что она хочет его даже сейчас, и, пробуждая бесконтрольную одержимость, вели прямо в ад. С необузданной страстью Эрик моментально схватил Челси на руки и, кинув ее на кровать, как голодный девственник, завалился сверху. Забросив длинные ноги себе на плечи, он вдавил Челси в постель и, сомкнув руки на ее затылке, стал еще агрессивнее входить. Мощными толчками продавливать до треска кровать.

В это время рев мотора салатного маслкара Пипи, тюнингованного так, что от оригинального форда шестьдесят восьмого года остался только кузов, резко притих. Дождь с грохотом стучался в лобовое стекло грузными каплями и, казалось, отчаянно просил переждать непогоду, не выходить… Но желание увидеть Эмили, посмотреть ей в глаза, прикоснуться к щеке и сказать наконец-то «привет» было настолько велико, что Билл, несмотря на раскаты грома, выскочил из машины.

Ледяные струи дождя острыми иглами впивались в заросшую щетиной кожу Билла, а поднявшийся ветер так и норовил сорвать цветной пуховик, который, видимо, пылился у Пипи на чердаке еще со времен Великой депрессии. Теплое свечение уличного фонаря отражалось в лужицах бесформенным пятном и раз за разом вспыхивало от мерцающих во тьме молний.

— Пипи, давай живее. — Билл постучал в окно маслкара.

— Чуви, ты реально хочешь, чтобы у Пипи укладка в гнездо превратилась? — опустив стекло, склонил голову набок тот. — Мож, чуток подождем?

— Сиди, значит, тут. — Билл, махнув рукой, развернулся и, прилагая неимоверные усилия, чтобы не упасть, побрел до подъезда Эмили.

— Вот так ты с бро? — Рэпер наигранно нахмурился. — Вилочкой растянуть решил? Пипи не из тех, кто гнется! — Он прокричал ему вслед: — Не из тех, бро!

Билл, не обращая внимания, устало прикрыл голову рукой и продолжил свой путь, но, почувствовав, как его под мышку подхватил Пипи, еле заметно кивнул.

— Шампунь Пипи купишь потом, — пробурчал рэпер, щурясь от летевших в лицо холодных капель. — С кондиционером.

Затянувшийся, казалось, подъем на невысокий этаж играл внутри Билла не усталостью, а симфонией счастья и радости. Новой надеждой на долгожданную встречу, на подготовленное признание в любви и клятву… клятву быть с Эмили до конца, несмотря на запрет родителей, несмотря ни на что. Маячащая в голове яркими цветами сцена встречи нежно таяла от каждого шага, от каждого фута, что отделял его от нее. От той, кто ради него была готова на все, от той, кто посчитала, что его жизнь дороже себя и своего тела.

— Здесь. — Выйдя в коридор на этаже, Билл ускорился, пока с помощью друга не подошел к звонку Эмили. Рука его стремительно занеслась над кнопкой, но замерла… Застыла от звуков из-за двери, что бросали сердце в ледяной омут.

Квартира Эмили все сильнее наполнялась громкими стонами Эрика, грохотом ножек кровати о почерневший паркет и яростными шлепками обнаженных тел. Аромат одеяла любимой настырно впивался в его ноздри, воскрешал в мыслях сладкий запах ее черных волос, миниатюрного тела, что сейчас, как когда-то под ним, содрогалось от члена Билла. Сама комната будто дышала ею, вырывала изнутри остатки светлых воспоминаний и делала все, чтобы Эрик задохнулся. Захлебнулся накатывающими без остановки образами раздвинутых

ног Эмили и грубых толчков в ее лоно — всем тем, что заставляло еще злее проникать в Челси. Стучаться в душу, одурманенную клубами любви.

— Мож, это не ее хата? — нахмурился Пипи, поддерживая друга.

— Эми! Эми! Моя девочка! Еще! — словно выстрел в голову, вылетел из-за двери знакомый голос, а произнесенное им имя и вовсе заставило Билла дрожать.

— Бро… — Рэпер моментально все понял и с грустью в глазах посмотрел на побледневшего друга. — Нет, чуви, Пипи это так не оставит! — Он замахнулся кулаком, чтобы ударить в дверь, но, заметив, как Билл отвернулся, расстроенно опустил руку и с жалостью уставился в его спину.

Внутри Билла разом почернели все звезды надежды, а рассудок окутала тьма. Сознание, конечно, пыталось бороться, но каждый новый крик Эрика адской плетью хлестал по душе. Стук ножек кровати о пол, как боксер, выбивал всю радость, а звонкие шлепки, что ощущались пощечинами Эмили, неумолимо стирали его сердце в пыль. В осевший пепел из сгоревших в предательском огне ожиданий.

Пульс Билла будто норовил пробить запястья — оставить после себя стигматы, а сами руки неустанно ныли… В глазах все плыло и темнело, мигрень выдавливала мозг. Он отчаянно хотел найти слова, хотел разозлиться, выплеснуть всю боль в лицо Эмили, но не мог… Возникшая пустота сжирала, а мысли уносило рекой. Пропущенным через кровавую терку течением из напрасных жертв и ненужных мук.

Сейчас Билл вообще не мог думать и даже не пытался понять, почему после всего, что было, Эмили повела себя так… Подавленно обернувшись к Пипи, он увидел в его взгляде свою боль и, улыбнувшись со слезами на глазах, опустил голову, побрел обратно к старенькому форду. По-человечески захотел просто уехать, просто забыть Эмили как страшный сон.

Тем временем Челси, словно голодная львица, впивалась в плечи Эрика, рвала ногтями его кожу, скрипела зубами и уже не могла сдержать подступивший оргазм. Бедра ее затряслись, а напряженные икры, ерзая по плечам Эрика, задрожали в неумолимом экстазе. В блаженном чувстве, что, срывая оковы забвения, выплескивалось теплой струей.

Затаив дыхание, она изо всех сил зажмурила глаза и, бросив руки на матрас, начала по нему яростно колотить. Давно забытые ощущения, эти упущенные из-за работы моменты счастья, казалось, разом обрушились на ее бьющееся в оргазме тело и вынуждали соскочить с члена Эрика, но тот не давал…

Со звериным криком он лишь ускорял темп и, ощущая всем телом оргазменный вихрь Челси, который буквально стирал все мысленные барьеры между ним и Эмили, продолжал разъяренно входить в нее, пока не почувствовал, как головка члена зудит наслаждением, как сводит ноги, как давит счастьем виски.

Резко сбросив ноги Челси с шеи, Эрик второпях вынул член и выплеснул из себя обжигающую жидкость. Этот мощный белый поток, что в его сознании растекался по животу Эмили, по ее свободной от Билла груди, по коже, которая сейчас была только в его власти… Ведь он стоял перед ней на коленях, он кончал на нее — и никто другой…

Тело журналиста начало обмякать. Он медленно завалился на смотрящую в потолок Челси и, повернув голову, открыл глаза. Мозг его даже не понимал, на ком он лежит, а взгляд не видел ничего, кроме его подарка… кроме медведя, что, сидя в углу, наблюдал… смотрел еще за одним падшим под властью похоти…

За окном с пробуксовкой взвыли колеса маслкара.

На улице лил грозовой дождь…

Глава 8

Тусклый свет ламп из кухонной зоны мягко стелился по почерневшему паркету, а за окном квартиры на четвертом этаже все так же лил дождь. Сопровождаясь яркими вспышками, он осыпал окно крупными каплями и неустанно шумел. Челси, опираясь спиной на подушку и терпеливо слушая молчание Эрика, в очередной раз покосилась на экран смартфона, что периодически помигивал от новых сообщений Мэтта и этих его «Давай ты быстрей».

«Не рассыпешься, еще даже час не прошел», — подумала она, осторожно положив пальцы на висок Эрика, который, прижавшись к ее груди подбородком, робко глядел в размытое влагой окно.

— А кто он? — Посчитав, что пора, Челси нежно провела ногтем по уху журналиста. — Небритый этот.

— Свифт… — ненавистно промямлил Эрик, моргнув от блеснувшей на улице молнии. — Билл Свифт.

— Свифт… — нахмурила брови Челси, всматриваясь в потолок и пытаясь вспомнить, где слышала знакомую фамилию. — Это который…

Эрик тяжело вздохнул и, кивнув, еще плотнее прижался к Челси.

— Сын сенатора.

Челси резко повернулась на бок и удивленно посмотрела на Эрика.

— Ты не шутишь сейчас?

— Он тоже там был… — Эрик уткнулся носом в обнаженную грудь Челси. — Все видел…

По телу агента Перкинс тут же промчалась ледяная волна. Она неприятно гуляла внутри живота забытой со времен академии тревогой и гудела в голове отборными матами, ненавистью к себе и острым осознанием ошибки… Сраного промаха, который именно сейчас, когда она так близка к своей мечте о спокойной работе, может разом уничтожить не только ее будущее, но и прошлое.

Жуткое понимание того, что, находясь в квартире Эмили без ордера, она не только незаконно допросила свидетеля, но еще и оклеветала сына уважаемого всем городом сенатора — выдумала его секс с Эмили, — предвещало катастрофу. Ведь если Эрик проболтается, то ее моментально выкинут из бюро с позором и лишат всех наград, которых у нее за безупречную службу накопилось немало. А то, что отец Билла пойдет на все, чтобы публично очистить имя сына, Челси вообще не сомневалась.

— Не поняла… — Челси озадаченно посмотрела на Эрика. — Эмили не с ним тебе изменяла, что ли? — Чувствуя, как сильно промахнулась, она нахмурила брови.

— Эми заставила его смотреть… Мы оба смотрели…

Эрик зажмурил намокшие от боли глаза и умышленно не выдал всей правды о своем сексе с Жюстин.

— Там такое было… Этот мужик потом еще ей прямо на лицо… — Он с ужасом вспоминал вросший в его душу кошмар. — Я даже в порно такого не видел. Понимаешь? Забыть теперь не могу…

— Охереть… — не смогла скрыть шока Челси. — Это в клубе, что ли, так? В туалете?

— В комнате… — Эрик поднял голову и посмотрел на нее. — В какой-то специальной… У Блэквуда клуб, и там… — Он тяжело сглотнул. — Там везде это.

— Что, Эрик? Что там? — нетерпеливо спросила Челси.

— Оргии, секс, голые люди… — Эрик грустно опустил глаза. — Как я понял, он за этим всем наблюдает и за ней смотрел… За своей дочерью, представляешь?

— Адрес. — Та холодно посмотрела на журналиста. — Эрик, мне нужен адрес.

В эти мгновения его слова накрыли Челси целой тучей новых вопросов. С одной стороны, она искренне не понимала причины такого поведения Эмили и не могла поверить, что Блэквуд, который якобы ее отец, за этим всем наблюдал. Но с другой, версия о том, что Эмили никакая не дочь, обретала новые смыслы, хотя так же ровно укладывалась и в показания Жюстин о причинах отъезда Майкла, о том самом шоке, из-за которого ему захотелось побыть одному.

«В какое же дерьмо мы с тобой, Мэтт, залезли?» — поймала себя на мысли Челси, до сих пор не понимая, как этой малявке удалось разом унизить всех своих ухажеров и почему они… а если точнее, пока один из них так ею дорожит. Она, конечно, и сама в эту минуту не ощущала себя иконой порядочности, но это был всего раз, и то во благо… ради правосудия, ради мечты.

— Если я напишу адрес, ты его посадишь? Докажешь, что он за дочерью смотрел? — Эрик, скрипя зубами, сжал пальцы в кулак. — Я просто хочу… хочу, чтобы она вернулась.

— Если ты не соврал, я сделаю все, чтобы она сама к тебе приплыла, — увильнула от прямого ответа Челси.

Сейчас ее мозг изо всех сил напрягался, не зная, за какую ниточку нужно хватать, но в одном Челси была уверена точно — именно в этом клубе они узнают всю правду, именно там им с коллегой и надо искать.

— Только, Эрик… — Челси строго на него посмотрела. — Никому, хорошо? Иначе… — Она не переставала думать о своей ошибке. — Я твой единственный шанс.

— Почему ты мне помогаешь? — тепло посмотрел Эрик. — На нарушения идешь, могла бы просто в отдел увезти.

— В отдел? — изобразила ухмылку Челси. — Да потому что я не знаю, кому там теперь доверять. Понимаешь? Вот куда это все зашло.

— Постой… — Глаза Эрика испуганно застыли. — Ты хочешь сказать…

— Все указывает на то, что нам мешают. Я только не знаю, кто и сколько агентов он подкупил.

— Получается, если о моих показаниях узнают…

— Тебя уберут, — даже не поведя бровью, солгала Челси. — Теперь ясно, почему я прошу и тебя молчать?

В пальцы Эрика тут же ударила колкая дрожь, а сам он четко осознал всю серьезность того, во что ввязалась Эмили, и какой опасности он себя подвергает, спасая ее. Это понимание ржавыми клещами вытаскивало из забившейся в угол совести самую настоящую гордость, сиявшее чувство собственной важности, которое лишний раз его убеждало — только он здесь настоящий герой, ведь именно он рискует всем для спасения этой девочки. Рискует ради счастья, во благо той самой, затмевающей звезды любви.

— Ты ведь тоже? Тоже не скажешь? — Журналист положил руку на бедро Челси. — Ты обещала… — Он жалобно на нее посмотрел.

— Я агент ФБР, Эрик… Мой долг — тебя защищать.

Поняв, что ложь удалась, Челси ловко перевалилась через него на другой край кровати и нащупала в кармане лежавшего на полу пальто блокнот.

— Пиши. — Она передала его Эрику вместе с карандашом.

Взяв блокнот и положив его на кровать, тот неуверенно скользнул по бумаге черным грифелем.

— А как она вообще этот клуб нашла? — Челси покосилась на Эрика, что, лежа на животе, вычерчивал буквы адреса. — Как узнала?

— Это я виноват… — Рука Эрика остановилась. — Я ей сказал к ней пойти… — Закрыв глаза, он вытер набежавшую слезу. — Я ее в этот кабинет послал…

— К кому, Эрик? Куда ты ее послал? — Челси заботливо положила руку ему на спину.

— К Лукреции… — Он тяжело вздохнул и повернул голову к Челси. — Она ей задание дала… Приказала написать эту долбаную статью! — Эрик с силой вдавил карандаш в блокнот. — Все из-за меня так получилось…

— Какую статью? — Челси перенесла руку на пальцы Эрика, что норовили карандашом проделать дыру в бумаге, и слегка погладила их. — Про что она должна была написать?

— Про клуб этот, чтобы, видимо, Блэквуда посадить и бизнес ему разрушить.

«Ну вот и связь… Поэтому ты и уволилась, про дочь ничего начальнице не сказала… Захотела богатенькой стать?» — мысленно улыбнулась Челси, понимая, что, написав статью, Эмили бы, естественно, ударила по своим новым активам и по себе самой.

— И она ее не написала, да? — проверяя свои догадки, лисьим взглядом посмотрела Челси.

Эрик лишь грустно покачал головой.

— Она не отдает материал и флешку тоже. — Закончив вычерчивать адрес, он подвинул блокнот к Челси.

— Какую еще флешку, Эрик? — Та замерла, чувствуя, как в ее руки плывет джекпот.

— Не знаю, Лукреция ее хочет вернуть, говорит, что так можно спасти Эми.

— Лукреция, значит. — Челси, запомнив адрес клуба, положила блокнот на тумбу, рядом с кобурой пистолета.

— Она так сказала… — Эрик расстроенно посмотрел на Челси. — Но я не поверил, сюда пришел…

— Ты мне здорово помог, Эрик. Слышишь? — Челси нежно уткнулась подбородком в спину подавленного журналиста. — Ты настоящий герой. — Она ласково поцеловала его. — Медаль тебе потом выдам.

— Так узнают же… — Укрепив внутренний героизм, Эрик перевернулся на спину и, глядя на Челси, впервые за вечер улыбнулся.

— А я тайком тебе ее достану и другие заслуги впишу. — Челси легла на Эрика и, взъерошив ему волосы, подмигнула.

Окрыленный своей значимостью, журналист буквально засиял. Теперь он искренне считал, что вступил в войну со злом на стороне закона, что он воин света, что он тот самый рыцарь, который вырвет любимую из лап клуба и разрушит их с Биллом связь. Но вот как уничтожить репутацию сыну сенатора, да так, чтобы Эмили его бросила, он не знал… Лишь понимал — начинать надо с блондинки из ресторана, ведь Эмили, как он думал, не отдалась бы тому, кто в отношениях, а значит, Билл точно соврал… В разрыв с этой богатой особой Эрик не верил… Не верил или попросту не хотел…

— Мы вернем ее, — блеснув голубыми глазами, улыбнулся Эрик и, крепко обняв Челси, решил рассказать ей вообще все.

Получив горы ненужной информации, Челси, уже вынужденно сославшись на проверку клуба, наконец оставила окрыленного Эрика в квартире и быстро спустилась вниз. Ее мозг до сих пор не мог поверить, что тот умудрился разболтать даже то, что и от друзей нормальные люди скрывают. Теперь Челси знала и цвет трусиков Эмили, и запах ее волос, и позу, в которой Эрик ее трахал, и сколько секунд он кончал. Но вот добило ее вовсе не это, а запланированная им свадьба с малявкой, о которой тот прожужжал все уши: от места на Гавайях до цвета костюмов гостей…

Выскочив из подъезда и глубоко вдохнув морозного воздуха, что холодным дождем оседал на губах, Челси спрятала голову под пальто, подбежала к машине и, сев за руль, тут же набрала Мэтта. Да, с одной стороны, она сейчас чувствовала себя свободно, раскрепощенно, легко — так, будто вновь задышала и вспомнила, каково это, когда тебя страстно берут. Но с другой, той, которая раскаленным клеймом шипела на совести, Челси понимала, что совер-

шила ошибку, что не должна была ставить себя выше закона, выше чьего-то счастья, выше порядочности и уж точно не должна была клеветать.

Это осознание подлости по отношению к Биллу, к Эмили, к их возможной любви полыхало на душе дьявольским пламенем, которое она могла сбить лишь одним… Придуманным объяснением, что никто из них не ангел и не может им быть, ведь все они замешаны в страшном дерьме, в таком гнилом, что самого Блэквуда пришлось кому-то убить. А вот кто из них это сделал, Челси и хотела узнать, полностью оправдать себя и свой поступок на пути к справедливости, по дороге к своей долгожданной мечте.

— Есть адрес. — Челси завела мотор и, включив дворники, откинулась на сиденье.

— Ты там в ванне, что ли, купалась или серик смотрела? — В голосе Мэтта слышалось явное недовольство. — Я тут, между прочим, задницей рискую.

— Ты меня слышишь? — холодно спросила Челси, смотря на капли дождя, что теперь блестели от включенных фар. — Адрес клуба у меня.

— Погоди… — Мэтт уставился на пингвина, что на экране монитора сидел на яйце. — Ты сейчас про «Афродиту»?

— Она про клуб статью писала, я заметки нашла, — неохотно соврала Челси, стесняясь своего поступка. — В них еще флешка упоминается, не знаю, правда, что там.

— Получается, эта Эмерсон и она… — Мэтт расплылся в улыбке. — А ты… нет, ты…

— Вот только не начинай. — Челси посмотрела в зеркало заднего вида и тронулась с места, желая поскорее добраться домой.

Сейчас она искренне хотела просто полежать, переваривая события вечера. Хотела разобраться в том, почему вместо секса по расчету она повела себя как голодная шлюха и почему ей понравилось, что ее трахнул такой жалкий тип?

— Мистер Дэниелс так не думает. — Мэтт, заведя машину, закинул жвачку в рот.

— Мэтт, нам завтра работать, ордер выбивать, может, хотя бы без «Джека»? Давай только поедим? — Понимая, что коллега не отвяжется, Челси все-таки развернулась и направилась к их излюбленному бару.

— Не любишь ты нас, Челси. Не любишь. — Мэтт вывернул руль на дорогу и, прибавив газу, улыбнулся. — «Гиннесса» тогда попьем.

— Сок, хорошо?

— Я не слышу тебя, Челси, ты тут? — Мэтт постучал ногтем по динамику. — Помехи, что ли? Ау-у-у… — Он довольно высунул язык и, закончив вызов, бросил смартфон на сиденье рядом, а затем, включив музыку, помчал по традиции отмечать с Челси их маленькую победу.

Сутки после звонка Биллу пронеслись для Эмили словно миг. И все это время, пока они зачищали Ривер-Касл от всевозможных улик, она не выпускала из головы желанную встречу. Раз за разом прокручивала моменты объятий, поцелуев со своим долгожданным принцем, их совместные прогулки, признания в любви. Все эти грезы, что до сих пор приятно согревали душу и помогали хотя бы на время отстраниться, не думать об уже наступившем вечере. Вечере, когда она должна была официально отказаться от своей фамилии, от себя, ради спасения клуба и нимф.

Но даже не это чувство сейчас плескалось в животе упрямыми волнами, не это ощущение печати дьявола. Больше всего она боялась потерять Билла, лишиться всех своих надежд из-за того, что он не поймет, не примет ее выбор, не сможет простить ей эту игру за спиной. Эмили, конечно, пыталась убедить себя, что он не узнает, но от этого становилось только хуже, ведь она точно знала: если не скажет Биллу правду, то просто не сможет смотреть ему в глаза…

Сидя в кресле уже своего кабинета, она сделала глоток апельсинового сока и, поставив трясущейся рукой стакан на столик, закрыла лицо руками… опустила голову.

Серый свет мониторов мягко касался ее красного длинного платья, лишал его насыщенных красок и превращал в блеклую простыню. В этот вечер Эмили еще даже не смотрелась в зеркало, чувствовала себя потерянной, не такой. Не видела свою прическу с красивыми локонами в модном стиле шестидесятых. Не видела, как блестела в длинном разрезе платья ее кожа, тщательно увлажненная маслами все той же Жюстин. Не видела макияжа глаз с ровными контурами, черными тенями и тонкой подводкой. Не видела ничего…

Ей действительно казалось, что с этим преображением она лишилась главного — свободы своего «я». Все ощущалось не так. И темно-красные туфли на платформе, что удлиняли ноги, но давили, и серьги с бриллиантами, которые до боли оттягивали уши, кольца на руках, которые жали, и даже подвеска на шее висела ярмом. А отсутствие нижнего белья так и вовсе не освобождало, наоборот, сковывало и заставляло непроизвольно сводить бедра, чтобы эту неловкость прикрыть.

— И что тут за умирающая лебедушка сидит? — послышался из темного угла голос с хрипотцой.

— Ты видела, сколько их там? — Эмили обернулась к Жюстин и впервые не испугалась ее появления. — Весь зал забит… — Она встала с кресла и, чувствуя, как подкашиваются ноги, подошла к мониторам.

— Это я еще не всех собрала, подруга…

Жюстин, вышагивая от бедра в черном брючном костюме, остановилась у зеркальной стены и неторопливо пригладила зализанные назад волосы, что у основания шеи выгибались вверх идеальной дугой.

— А нам охват нужен… — Она покосилась через зеркало на Эмили, которая не сводила взгляда с ждущей представления толпы.

— Блин, и этот тут… — Моментально вспомнив события хеллоуинской ночи, Эмили ощутила неприятную тревогу и злость от присутствия среди гостей Феликса. — Его нельзя прогнать? — Она, нахмурившись, повернула голову к Жюстин.

— Выгнать не можем… — Жюстин, постукивая высокими каблуками черных лодочек, подошла к креслу сзади и облокотилась на его спинку. — Можем сжечь, как ты любишь. — Она расплылась в довольной улыбке. — Но потом.

— Да ну тебя, — надула щеки Эмили. — Просто я же Афродитой должна была стать… А этот первый был в очереди. — Она снова повернулась к монитору. — Чтоб у тебя арбузы из задницы полезли, скотина.

— Надо запомнить… — Жюстин взяла со столика стакан с соком и отпила половину. — А если серьезно… — Сглотнув слюну, француженка медленно провела языком по небу. — В этом и есть вся… как там вы говорите? — Она поставила стакан обратно. — Фишка.

— А? — Эмили резко обернулась.

— Даже придурочный отец, после того как дочь под двадцать мужиков подложил, уехал бы. — Жюстин подошла к ней и положила руку на плечо. — Я на этом его речь и строила. Так что бояться тебе нечего.

— Я просто… — Эмили жалобно посмотрела в зеленые глаза. — Я тоже хочу послушать, мне надо знать, чего он говорить-то будет.

— Нельзя тебе этого знать, — резко отрезала Жюстин. — Я повторяю, нам нужны твои настоящие эмоции, а не игра, как на детском утреннике.

— Но…

— Эмили, дипфейк Майкла сам все расскажет, — перебила Жюстин, похлопав ее по спине. — А ты стой, кивай и просто верь словам. Все как договаривались.

— А если спросят чего? — не унималась та.

— Да я подстраху-у-ую. — Жюстин в своей манере игриво повертела Эмили за плечи. — Не трусь. — Француженка прикоснулась к краям ее губ и растянула их в улыбке.

— Не могу я! — Эмили, чувствуя, как все тело пронизывает дрожь, шагнула назад и в это мгновение захотела просто убежать, пуститься в бега с Биллом. — Не могу, понимаешь?

— Так… идем. — Жюстин взяла Эмили за руку и подвела к зеркальной стене. — Смотри туда.

— Ниче не вижу. — Снова надув щеки, Эмили увидела лишь тусклое платье и контуры своего лица.

— Вот именно. — Француженка громко хлопнула в ладоши и зажгла дневной свет. — А теперь? — Она улыбнулась в зеркало.

В эту секунду Эмили не поверила своим глазам: в отражении перед ней стоял другой человек, вообще не она. Дорогие украшения, что до этого лишь ощущались телом, теперь игриво сверкали на свету бриллиантами. Макияж превращал в строгую снежную королеву, а платье, сводящее с ума своей красотой, о котором она и не мечтала никогда, ведь чтобы его купить, ей бы пришлось работать годами, так и вовсе выглядело как с красной дорожки. Весь этот шик, прическа, алый маникюр, блестящая от масел загорелая кожа ввергали Эмили в шок — в необъяснимое потрясение эстетикой и элегантными формами, что без спроса раскрывали в ней образ настоящей леди.

— Ты чего со мной сделала-то? — Эмили ошарашенно посмотрела на Жюстин. — У нас же не «Золотой глобус» там.

— Привыкай. — Та ласково улыбнулась. — Теперь только ты тут звезда, только ты должна тут сиять. Oui?

— А ты? — Эмили вдруг почувствовала себя неловко.

— А я, подруга, твоя тень. Поэтому как выглядишь ты, так выгляжу и я, просто костюмчики разные. — Жюстин пригладила свой пиджак по талии. — Мои потемнее.

— Как елка рождественская… — Эмили дотронулась до каплевидной серьги и обернулась на стук в дверь.

— Идем-идем, Хуанито! — Жюстин повернула Эмили к себе. — Ради нас, подруга, ради нимф.

Француженка уверенно посмотрела в синие глаза и, увидев, что Эмили все же согласно моргнула, повела ее на балкон. На трибуну, с которой новая хозяйка явит себя голодным хищникам, но не как жертва, а как та, кто будет их дрессировать и кормить.

Мелодия «Лунной сонаты» вдруг резко умолкла, моментально обнажив скрывавшийся за звуками фортепьяно шепот гостей. Следом погасли розовые прожекторы, а весь атриум погрузился во мрак. И только балкон с греческими колоннами сиял белым светом напольной подсветки и едва озарял намеренно скрытую от Эмили во тьме толпу.

Громкий стук каблуков, что доносился сверху, плавно затих, и перед посетителями клуба показалась Жюстин. Отпив из бокала вино, она холодно улыбнулась и взяла из рук Хуана микрофон.

— Дорогие гости, дорогая семья… — Жюстин сделала паузу, слушая тишину. — Сегодня особенный день в истории нашего клуба. Сегодня событие. — Она сделала шаг к перилам балкона.

— Где Майкл? — послышался грубый мужской голос снизу.

— Мы хотим его видеть! — подхватил его другой, басистый.

— И увидите… — Жюстин, долго не думая, указала рукой на противоположную стену, где висело огромное серое полотно. — Зажигай, — прошептала она, повернувшись к Хуану.

На стене атриума красочным светом заиграло видео, в котором Майкл, включив камеру, отошел назад и сел на бамбуковый стул. На фоне ярко светило солнце, кричали чайки, слышался океанский бриз.

— Друзья мои… соратники, братья и сестры, — начал он, одетый в гавайскую рубашку и белые брюки. — Понимаю, все вы взволнованы, а некоторые так и вообще считают, что я

давно мертв. — Он холодно посмотрел в камеру. — Думал, я не узнаю, Патрик? — Хозяин клуба указал пальцем вперед.

— Я? А что я? — Совладелец нью-йоркского морского порта испуганно покрутил головой по сторонам.

— Не бойся, я никого из вас не виню, ни Ленни, ни Бишопов, и даже тебя, Дэниел. — Он взял из руки, появившейся в кадре, блестящий на солнце бокал виски. — Я бы так же себя повел, если бы потерял кого-то из вас.

Люди в зале тут же начали кивать и перешептываться.

— Но собрал я вас не поэтому. — Майкл поводил бокалом, заставляя виски колыхаться. — Я совершил ошибку.

— Это про что он? — Дама с гладким пучком на голове посмотрела на мужа с залысиной.

— Я… — Глаза Майкла налились слезами. — Я подложил под вас свою дочь. И по-другому я это произнести не могу…

Зал громко ахнул, а шепот превратился в уже различимые голоса.

— Сейчас вы все поймете… — Майкл грустно свел брови. — Эмили, девочка моя, выйди. — Он вытянул ладонь вперед.

И тут у Эмили замолкло сердце, дыхание остановилось, а ноги отказались идти. Только собрав всю свою волю, что держалась лишь на памяти матери, она все же шагнула вперед и, вцепившись в перила, взглянула в толпу.

Белый свет нежно подчеркивал все контуры ее миниатюрного тела, ровные изгибы, тонкую шею и круглую грудь.

— Доченька моя… — Майкл заплакал. — Прости меня. — Он смахнул бегущие слезы.

— Да ну на хер… — Феликс испуганно посмотрел на сына, будто предчувствуя расплату и месть. — Какого хера он тут несет? — выкрикнул он, чтобы все услышали.

— Какой же я был дурак, что не стал слушать тебя. — Майкл расстроенно посмотрел в камеру. — А если бы свет не пропал?

Эмили с волнением смотрела на дипфейк Майкла и, к ее удивлению, верила. От всех этих слез на экране, от этой жалости, от мыслей, что если бы не смерть Софи, он бы мог быть таким, каким его видят сейчас, она искренне разревелась. Даже не притворяясь, выплеснула из себя накопившуюся за эти дни боль.

— Я бы не смог жить с этим. Но… — Майкл дрожащей рукой поднес бокал к губам и сделал глоток. — Не уверен, что и сейчас могу. — Он опустил бокал на колено и уставился в него.

— Папа… — громко вырвалось у Эмили, заставив весь зал охнуть еще раз.

— Дочка, я знаю, как виноват, и знаю, что ты не хочешь этого. — Майкл не отводил взгляда от бокала. — Но мне стыдно, и я не знаю, смогу ли я… посмотреть как отец тебе в глаза.

— Да что за пиздец происходит?! — продолжал возмущаться Феликс, выискивая взглядом сторонников его сомнений.

— Ты уже знаешь… Я улетел и больше ничего не хочу. Прости меня, девочка, что без твоего согласия переписал все на тебя, повесил этот груз, но я не мог поступить иначе. — Майкл сделал паузу. — Я хочу побыть один и пожить в тишине.

— Папа, не надо. — Эмили вдруг снова почувствовала, как ей не хватает мамы, как не хватает отца.

— Поэтому я, Майкл Блэквуд, официально заявляю, что Эмили Блэквуд теперь управляет клубом и всеми моими активами. Прошу мое решение принять и впредь слушать только ее. — Он холодно посмотрел в камеру. — Я больше… все, не могу. — Хозяин клуба, прикрыв лицо рукой, подошел к камере и выключил ее.

В атриуме воцарилась гробовая тишина. Она ощущалась в темноте паучьим логовом и настойчиво тащила Эмили в паутину тревоги из-за неминуемых вопросов.

— Да вы серьезно? — Феликс громко засмеялся. — Я не знаю, что эта мелкая сучка с ним сделала, но все мы знаем Майкла, он бы такую херню не сказал!

— Точно! — вдруг подхватил мужской голос рядом.

— Майкл никогда не ныл! — добавил еще один в глубине зала.

— Он сопли не жевал… — мягко раздалось из уст эффектной блондинки.

«Cela a commencé (Началось)», — подумала Жюстин и подошла к Эмили.

— Она врет! — Феликс, окрыленный поддержкой, указал на нее пальцем. — Они его убили!

От этих слов внутри Эмили будто пробудился самый настоящий кракен, черными щупальцами он сдавливал ребра, сжимал горло и не давал дышать. В голове носились жуткие мысли, воспоминания о том, через что она здесь прошла, и образы того, что с ними будет при потере контроля. Эта боль сейчас отзывалась горькой обидой и невыносимым желанием отомстить извращенцам, наказать этих тварей за все.

— Ты бы заткнулся! — громыхая, вырвалось из уст Эмили, отчего показалось: говорит больше не она, а кто-то другой. — Я теперь Блэквуд, не забывай!

Жюстин, услышав тон новой хозяйки, довольно подняла бровь и медленно шагнула назад. Она идеально все просчитала, и скрытая от Эмили до этой поры речь Майкла ударила именно туда, куда и было нужно. В ее травму потери матери, в ее подсознательную жажду найти родного отца.

— Че, блядь? — удивился Феликс, явно не ожидая такого ответа.

Но Эмили лишь презрительно на него посмотрела и, щелкнув пальцами, оперлась на перила балкона.

«Non, et celle-ci fait de même… (Нет, и эта туда же…)» — подумала Жюстин, глотнув вина и стараясь не вспоминать, на что ей приходилось идти, когда Майкл так делал.

— Вот ровно столько времени мне нужно, чтобы смыть тебя в унитаз, — продолжала Эмили, нахмурив брови. — Всех вас. Повод только мне дайте! — Она окинула взглядом остолбеневшую толпу. — А теперь развлекайтесь, я работать пошла.

Новоиспеченная хозяйка клуба резко развернулась, но, уходя, вдруг замерла. Атриум буквально разрывался, скандируя ее фамилию — новую, громкую, звучащую сейчас, как в Колизее… Фамилию Блэквуд, не Уайт.

— Нет, ты слышишь их, подруга? Клянусь, я тебе «Оскар» на «Амазоне» куплю. — Подскочив к Эмили, Жюстин радостно ее обняла. — Вот это, конечно, ты завернула.

— Я случайно… — Эмили робко обернулась на звуки толпы. — Оно само как-то так.

— Вот поэтому мы свечи и зажигалки теперь будем от тебя прятать, — громко рассмеялась Жюстин и, подтолкнув ее вперед, направилась с ней к кабинету. — Серьезно, я бы так не смогла.

От приятных слов француженки Эмили вдруг заметно полегчало, волнение пошло на спад, а на лице ярко засветилась улыбка. Ведь она, черт возьми, победила, не они, а она…

И только один человек в атриуме пока не произнес ни слова, и не потому, что стеснялся, а потому, что все знал. И теперь, уже не притворяясь собакой, не пытаясь обоссать пол или трахнуть чью-то ногу, окружной судья задумчиво протискивался через толпу… Уверенно шел в кабинет, где бывал и не раз.

Розовые прожекторы до сих пор не светили, по клубу ползала любопытная тьма…

Глава 9

Приятный бирюзовый свет от монотонно жужжащих полосок неона, что тянулись вдоль плинтусов, нежно расползался по полу кабинета Эмили. Отражаясь от зеркальной стены, он буквально проникал в саму тьму и наполнял помещение уютной атмосферой полумрака. На серых мониторах уже вовсю мельтешили люди: собирались в группы для оргий, занимали комнаты, выбирали у клеток нимф, а некоторые, самые нетерпеливые, прямо в одежде предавались похоти, которую им пришлось отложить из-за речи Майкла. Клуб на глазах оживал.

— А я говорю, прекрати. — Жюстин, оглянувшись на Эмили, потянула ручку двери на себя. — От фужера не опьянеешь. — Она, звонко цокая каблуками, прошла в кабинет и, остановившись у скрытого в стене бара, распахнула черные стеклянные дверцы.

— Я же алкоголь-то редко… — Эмили вошла следом и устало бухнулась в кресло. — А вот ко-о-олу… У тебя там нету? — Она повернулась к француженке и растянулась в улыбке.

— Эмили, мы не в Макдональдсе, — не отводя сосредоточенный взгляд от содержимого бара, произнесла Жюстин. — А, вот ты где, моя красотуля… — Она улыбнулась, заметив черную бутылку с пятигранной накладкой из белого золота и бриллиантом в цен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.